

The background of the cover is a detailed, aged illustration of the Imperial coat of arms of Austria-Hungary. It features a double-headed eagle with a crown on its head, surrounded by various smaller crests and a sword on the left. The overall style is historical and ornate.

ЭДВАРД
КРЕНКШОУ

Падение династии Габсбургов

ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОВИНЦИЙ
ИМПЕРСКОМУ ЦЕНТРУ АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ

Эдвард Кренкшоу

**Падение династии Габсбургов.
Противостояние национальных
провинций имперскому
центру Австрийской монархии**

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1963

УДК 94(436)
ББК 63.3(4Авс)

Кренкшоу Э.

Падение династии Габсбургов. Противостояние национальных провинций имперскому центру Австрийской монархии /
Э. Кренкшоу — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1963

ISBN 978-5-9524-6710-1

Падение власти Габсбургов было не просто концом великой и могущественной династии. Оно означало разрушение старого европейского порядка и стало поворотным моментом в мировой истории. Книга Эдварда Кренкшоу повествует о последних десятилетиях Австро-Венгерской империи, предшествовавших Первой мировой войне. В центре драматических событий — император Франц Иосиф со своими жизненными трагедиями, с разорением всего наследства. Объективно исследуя историю Вены, Российской империи, Франции Наполеона, Пруссии Бисмарка и Италии Кавура, автор пишет об амбициях и разочарованиях властителей, которые определили судьбу Европы XX века.

УДК 94(436)
ББК 63.3(4Авс)

ISBN 978-5-9524-6710-1

© Кренкшоу Э., 1963
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1963

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	21
Глава 3	29
Часть вторая	34
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдвард Кренкшоу
Падение династии Габсбургов
Противостояние национальных провинций
имперскому центру Австрийской монархии

Посвящается А.Д. Петерсу с глубоким уважением и благодарностью

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Предисловие

Габсбургская монархия ушла в прошлое и в значительной степени пала в забвение. Проблемы, которые она пыталась решить, пережили ее. Пока мы не поймем, что сделала монархия или что она пыталась сделать, мы не найдем ответа на то, что же пошло не так. К разным народам империи было проявлено много сочувствия, но крайне мало, если вообще было, к правителям, которые пытались удержать в опасном мире эти народы как единое целое.

Пролог Австрийский дом

1

Не многие оплакивали смерть Габсбургской монархии в 1918 году, гораздо больше радовались. Национальные государства, возникшие на руинах наднациональной империи, несомненно, положили бы начало новому этапу просвещения, в котором малые народы, освобожденные от мертвой хватки имперского гнета, развивались бы в условиях процветающего содружества. Но новые соглашения оказались недолговечными, и надежды не оправдались. Вскоре выяснилось, что новые народы-хозяева – чехи, поляки, сербы, итальянцы – научились всем методам подавления. Затем появился Гитлер. Не прошло и двадцати лет после рождения независимой Чехословакии, как премьер-министр одной из держав, способствовавших созданию этого несчастливой государства, назвал ее «далекой страной, о которой мы ничего не знаем»¹, и умолял Германию забрать большую ее часть. Германия забрала все, и вскоре на всех землях исчезнувшей империи и широко за ее пределами установилась тирания, беспрецедентная в истории Европы. Восстановление Габсбургов немыслимо, но, чтобы понять природу Европы, необходимо понять ту особую роль, которую так долго играла династия Габсбургов, и прежде всего причины ее падения.

2

Каждое общество несет в себе «семена собственного разложения», и это неудивительно, учитывая материал, из которого состоят все общества. Удивительно то, что какому-либо обществу вообще когда-либо удавалось существовать, если только оно не было абсолютной тиранией. Монархия Габсбургов такой никогда не была: даже во времена Контрреформации еретиков не сжигали на кострах. И все же ей удалось просуществовать много веков. Причина этого заключалась в том, что монархия, или нечто очень похожее на нее, считалась необходимой большинством народов, живших при ней, а также соперничавшими державами. Это было связано не с каким-либо божественным предназначением Австрии, а с самой природой империи – природа империи была присуща структуре Центральной и Юго-Восточной Европы. В известном смысле габсбургская система была более рациональной, чем все, что существовало в Европе до или после нее. В глазах своих правителей это была наднациональная организация, созданная Богом и управляемая Божьим избранником. В то же время она являлась настолько современной, что предвосхищала проблемы государственного управления, которые до сих пор оставались нерешенными: ее правители так и не смогли определиться, какой путь создания многонационального государства мог быть правильным – федерализм или централизм. И это остается важнейшим вопросом, и Габсбурги оказались первыми, кто задумался над ним серьезно, и не смогли найти ответ.

После всего произошедшего трудно делать выводы. Великий чешский патриот Палацкий сказал, что, если бы империи Габсбургов не существовало, ее следовало бы выдумать. Самый

¹ Фраза «Далекой страной, о которой мы ничего не знаем», является цитатой из речи британского премьер-министра Невилла Чемберлена, произнесенной им 27 сентября 1938 г. накануне Мюнхенского соглашения. Эта фраза стала символом политики умиротворения, проводимой Чемберленом по отношению к нацистской Германии. (*Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. пер.*)

необузданный фантазер не смог бы создать подобную реальность. Это можно назвать мутацией, своеобразным состязанием в истории человеческих институтов. Но она была прочной и реальной. Основатель Чехословацкого государства Томас Масарик, который был в значительной степени ответствен за расчленение империи, действовал с величайшей неохотой, скорее в печали, чем в гневе, зная, что то, что он помогал разрушать, было невозполнимо.

Начнем с того, что империя была лишена дома: она была собственностью не нации, а одной семьи. Общеизвестный способ построения империй заключается в том, что расширяющиеся народы выходят за пределы своих границ, по морю или по суше, и колонизируют на своем пути, с большим или меньшим насилием, более слабые народы. Но австрийской нации не существовало. Земли Габсбургов являлись частными владениями, приобретенными одной семьей по договору и в результате браков, и колонизаторы, какими бы они ни были, являлись во всех смыслах личными слугами главы этой семьи, у которого имелся дворец в Вене.

В Европе в целом, по мере того как развивалось сознание государственности, правители государств, которым предстояло стать великими державами, постепенно отождествляли себя со своими народами, хотя сами часто были иностранцами. Идея короля и страны утвердилась в качестве выражения национального патриотизма, символом которого стала корона, и наследственные правители, которые на самом деле принадлежали к великой космополитической семье, стали рассматриваться как носители идей, направленных против космополитизма. Но не Габсбурги. Австрийского патриотизма как идеи не существовало, на самом деле Австрия даже не была королевством, это было всего лишь эрцгерцогство, расположенное выше и ниже Энса, правого притока Дуная, к которому добавились герцогства Каринтия, Штирия, Карниола и графство Тироль. За исключением лишь сугубо местного, австрийского патриотизма как такового не было. Эрцгерцоги Габсбурги правили в Граце и Инсбруке, а также в Вене вплоть до XVII века, возводя великолепные здания, прославлявшие их дворы. И когда на пике централизованного имперского могущества Вена стала столицей великой империи, а династия правила почти дюжиной основных народов, там, где патриотизм существовал как влияние, это был либо местный, либо национальный патриотизм, обычно противоречащий притязаниям династии, которая не требовала ничего, кроме верности императору того времени, – и в значительной степени получала ее.

3

Когда в 800 году папа римский Лев III короновал Карла Великого как римского императора, целью было объединение христианского мира, но Византия упорствовала в своем расколе, и власть Карла Великого была ограничена Западом. Здесь тоже императорская власть вступила в конфликт с церковью. Она ослабевала до тех пор, пока император Священной Римской империи не стал, по сути, императором германцев, выборным главой свободного союза германских князей. В 1273 году, неожиданно для всех, королем Германии был избран граф Рудольф Габсбург. 24 октября его короновали и усадили на трон Карла Великого в Ахене. Он не был самым могущественным князем, и его избрание стало предметом ожесточенных споров, но его семья, владевшая землями в Швабии, Шварцвальде и Эльзасе, долго была тесно связана с Гогенштауфенами, и папа римский поддержал его притязания, хотя он никогда не был коронован императором Священной Римской империи. К тому же Рудольф Габсбург был человеком выдающегося ума и одаренным солдатом и, будучи королем Германии, посвятил себя укреплению центральной власти после десятилетий анархии.

Его самым важным деянием стало изгнание короля Богемии Оттокара Пржемысла, который в 1250—1260-х годах создал крупное государство на юго-востоке Германии, объединив под своей властью Чехию, Моравию, Австрию, Штирию, Каринтию и Крайну. В июне 1276 года началась война между Рудольфом и Отакаром, в которой последний потерпел поражение

и был вынужден отказаться от Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны, перешедших под контроль короля Германии. Рудольф I триумфально въехал в Вену. Однако уже в следующем году Отакар II вновь выступил против короля, но 26 августа в битве у Сухих Крут в Моравии чешская армия была разбита Рудольфом I, а сам Пржемысл Отакар II погиб. Получив в результате победы над чешским королем власть над Австрией и прилегающими герцогствами, Рудольф I занялся превращением этих территорий в наследственные владения Габсбургов. В качестве герцога Габсбурга он передал власть над самой Австрией и прилегающими землями членам своей семьи. С тех пор Дом Габсбургов стал фактически Домом Австрии.

4

Битва, в которой погиб Отакар, стала одним из решающих сражений в истории Европы. Сражение произошло на Мархфельде, равнине на северном берегу Дуная, напротив Вены, между левым берегом Дуная и правым берегом Моравы. Мархфельд, простирающийся в туманную даль, если смотреть на него с башни собора Святого Стефана, весь насквозь пропитан историей. Средний бассейн Дуная, где расположен великий город, служит местом встречи Востока и Запада и продолжением альпийского барьера между Севером и Югом. У подножия Леопольдсберга, крутого лесистого холма, возвышающегося над городом и рекой, Дунай наконец-то отходит от предгорий Альп и, изгибаясь, пересекает великую равнину, ведущую в Венгрию и далее на Восток. С незапамятных времен эта равнина служила дорогой для орд завоевателей с Востока, следовавших одна за другой, – гуннов, аваров, мадьяров, турок. Рим превратил Вену в восточный форпост, где Марк Аврелий нашел свою смерть.

Граница старой Римской империи проходила по Дунаю и Рейну, через Британию, Африку, Аравию, Малую Азию вплоть до Черного моря, но нигде эта граница не подвергалась такой серьезной угрозе, как в том месте, где сейчас находится современная Вена. Здесь на пересечении Янтарного пути с Дунаем стоял старый укрепленный лагерь Виндобона и, почти в поле зрения, возвышалась римская крепость Карнунтум – Венские Помпеи. Нигде, на всем протяжении границы, две крепости не стояли так близко друг к другу.

Карл Великий последовал примеру Рима. Затем пришел король Отакар, правивший от Адриатики до Балтики, прежде чем он был разбит Рудольфом, первым Габсбургом-императором. И после этого Мархфельд продолжал оставаться ареной великих событий. Габсбурги и их союзники остановили турок у самых ворот Вены и с трудом отбросили их в 1683 году. На этой же территории Наполеон разбил австрийцев при Ваграме после того, как потерпел свое первое поражение при Асперне. В 1866 году, после Кёниггреца, казалось, что победоносные пруссаки будут сражаться и там, но австрийцы заключили мир. Последнее крупное сражение велось здесь советскими войсками, преследовавшими отступающих немцев в 1945 году. Но самой решающей битвой для нашей цивилизации стала победа Рудольфа над богемским королем, которой суждено было стать образцом для подражания более чем на шестьсот лет вперед.

Преемникам Рудольфа почти всегда удавалось сохранять императорскую корону до тех пор, пока в 1806 году Наполеон не покончил с Римской империей, которая долгое время оставалась лишь тенью. Но прошло еще много времени, прежде чем династия приобрела реальную власть и авторитет. Так, в XV веке император Фридрих III едва мог собрать эскорт для своего коронационного путешествия в Рим. Это был тот самый Габсбург, который придумал мистические инициалы A.E.I.O.U., которые интерпретировались по-разному – излюбленная версия *Austria Est Imperare Orbi Universo* (Австрия – правительница Вселенной), – и постепенно уступил Вену сильному и хищному венгерскому королю Матьяшу Корвину. Матьяш совершил победоносный крестовый поход против турок и разбил их при Яссах. Он также отвоевал Моравию у короля Богемии. Казалось, он добился успеха там, где Богемия и Габсбурги потерпели поражение. Но Габсбурги не сдались. Внезапно все изменилось. Сын Фридриха Максимилиан,

великий правитель, продолжал грезить мечтами в Инсбруке. Теперь он приступил к процессу, которому предстояло вознести имя Габсбургов на вершину славы и возвысить Габсбургское государство, чтобы оно могло занять место неоспоримого столпа европейского здания. После женитьбы Максимилиана в 1477 году история Габсбургов стала историей Европы.

Максимилиан стал не только первым Габсбургом, собравшим под одним правлением различные провинции, составлявшие австрийское наследство, он также стал первым, кто использовал династический брак для территориального расширения: его женой была Мария, дочь и наследница Карла Смелого Бургундского. На протяжении столетий ходила шутка, что, в то время как другие династии добивались своего величия через завоевательные войны, Габсбурги приобретали свои обширные владения путем заключения браков и международных договоров. Причем проявляли талант и в том и в другом, но им всегда приходилось защищать то, что они выиграли. И первый острый конфликт такого рода возник из-за женитьбы Максимилиана, когда в 1479 году он сражался и победил в битве при Гвинегате, защищая свои новые бургундские владения от французов. Так началось противостояние Габсбургов могуществу и притязаниям Франции: на протяжении столетий Австрии суждено было стать «вечным противовесом Франции» – роль, которая, как отмечал один блестящий австрийский историк, сделала возможным, помимо всего прочего, усиление могущества Англии и создание Британской империи.

Именно при Максимилиане Габсбурги впервые заявили о себе в Италии и Испании. И именно Максимилиан принес в Австрию Возрождение.

Его сын Филипп Красивый, австрийский эрцгерцог по рождению, заключил брак с безумной Хуаной, дочерью Фердинанда и Изабеллы Кастильских. У Филиппа родился сын – великий император Карл V, ставший властелином Нидерландов, Бургундии, габсбургских немецких земель, Испании и всех ее владений в Италии и Новом Свете. Но сие имперское великолепие католической власти было подорвано в самый яркий момент своего апофеоза: почти одновременно возникли две новые силы, осложнявшие ее существование, – протестантизм эпохи Реформации и власть торгашей-финансистов, чьи интересы отныне должны были затуманивать чисто стратегическую и политическую политику монархов, которых они субсидировали. Фуггеры² XVI века были для Карла и его брата Фердинанда тем же, чем Ротшильды XIX века для поздних Габсбургов.

Таким образом, когда Карл в 1556 году отрекся от престола и удалился в монастырь в Сан Джеронимо де Юсте, чтобы мастерить часы и созерцать собственный гроб, в то время как его сын Филипп захватил Испанию, Нидерланды и обе Сицилии, его брат Фердинанд получил немецкие земли и имперскую корону. Пока Филипп воображал себя великим католическим властелином и истощал себя борьбой с Англией, Фердинанд, благодаря женитьбе, уже со второй половины XVII века заложил основы центральной европейской державы, которой суждено было превзойти и затмить славу Испании. Женившись на Анне Богемской, он получил возможность взять на себя отдельные короны Богемии и Венгрии, после того как брат Анны, Луи, был убит турками в Мохаче в 1526 году. Это было не такое уж и большое наследство. Богемцы приняли его как последнее средство, и Сулейман Великолепный превратил большую часть раздробленной Венгрии в турецкую провинцию. Но Фердинанд и его преемники держались стойко.

5

Кому-то пришлось выстоять. Тот факт, что Фердинанд не был одержим осознанием миссии сплотить христианскую империю, чтобы воздвигнуть барьер против турок, не имел осо-

² Фуггеры (*нем.* Fugger) – крупнейший, наряду с Вельзерами, торговый и банкирский дом Германии XV–XVII вв., который вел дела по всей Европе и за ее пределами.

бого значения. На протяжении веков разрозненные народы Центральной Европы, ставшие жертвами великого переселения народов, перемешивались и теперь, оказавшись во власти турок, взмолились о некой центральной организации. Габсбургу Фердинанду наконец-то удалось добиться успеха там, где богемский король Отакар и венгерский Матяш Корвин потерпели неудачу. С тех пор в течение двух сотен лет Австрийский дом был бастионом против турок. Ему также предстояло стать главным орудием Контрреформации после битвы у Белой Горы в 1621 году, которая наконец покончила с организованным протестантским сопротивлением и позволила Фердинанду II заселить Богемию знатью, лояльной к империи. Именно снятие турецкой осады Вены в 1683 году послужило сигналом к внезапному расцвету приграничной глуши в великолепном стиле итальянского барокко, которое придало всем землям Габсбургов культурное единство, не менее наднациональное, чем военное единство многонациональной армии.

Именно тогда Австрия и стала великой европейской державой. Поводом послужила Война за испанское наследство (1702–1714), которая привела к конфликту Людовика XIV Французского и Леопольда Австрийского и к созданию Вильгельмом III Английским великого союза, призванного обуздать французское стремление к господству в Европе. Эта война, знаменательная великими подвигами Мальборо и успехами принца Евгения Савойского, возглавлявшего австрийские армии, закончилась захватом Габсбургами испанских Нидерландов, Бельгии, Милана и Сицилии. Благодаря этой войне Англия также стала мировой державой.

При Марии Терезии (1717–1780) все выглядело так, будто тело обрело душу. Во время Войны за австрийское наследство эта выдающаяся женщина сумела заразить своих подданных подлинным имперским патриотизмом, она сплотила вокруг себя даже мадьяр, хотя и с серьезными оговорками. Прагматическая санкция 1713 года, позволившая узаконить наследование по женской линии, казалось, символизировала новое начало, при котором империя могла наконец-то развернуться и расслабить свои затекшие мышцы. Вена уже столкнулась с совершенно новыми проблемами, которые подчинили земли Габсбургов новому объединяющему давлению. Контрреформация отошла в историю, турки больше не представляли угрозы, но Пруссия Фридриха Великого и Россия Екатерины Великой, расширяясь, сделали сильную центральную державу еще более необходимой для Европы, чем когда-либо. Правителем, который попытался объединить эту власть в единое административное целое, стал сын Марии Терезии Иосиф II, чей отец, Франц Стефан Лотарингский, привнес свежую кровь в династию и заставил ее изменить название с Габсбургской на Габсбургско-Лотарингскую.

У Иосифа имелось очень четкое представление, какой должна быть современная континентальная империя. Он начал организовывать свои владения в соответствии с рациональными принципами. Его видение было потрясающим по своему размаху, а энергия – безграничной. Но ему не хватало политического чутья. Мария Терезия своими административными реформами подготовила почву для постепенного превращения империи в целостное процветающее многонациональное государство. Иосиф увидел эту возможность и, преисполнившись всепоглощающей заботой о благополучии своего наследства, попытался ею воспользоваться. Но принялся за дело как русский царь-реформатор. Империя принадлежала ему и должна была давать ему повод для гордости. Жизнь миллионов людей должна была стать лучше. В ней должны были царить порядок и равноправие, образование и спокойствие, иезуиты должны были быть обузданы. Но все это должно было предписываться свыше, в мельчайших деталях, единственным человеком, который знал, что лучше для всех остальных, – Иосифом, великодушным самодержцем эпохи Просвещения. Этого следовало достигнуть с помощью централизованной бюрократии, имперской гражданской службы, укомплектованной самыми продвинутыми и просвещенными подданными государства. В основном это относилось к немцам, потому что немецкие подданные империи стояли выше остальных... Это была прекрасная концепция великого и замечательного человека, который при всех своих напористых методах

оставался скромным в душе. Но она не могла осуществиться. Иосифу удалось настроить против себя всех в империи, кто возражал против упорядочения их жизни во имя абстрактной справедливости. Те самые люди, которым он так страстно желал благополучия, были сбиты с толку быстротой и произволом его реформ. Когда они не показывали зубы, то обижались. Так что этот замечательный правитель с наполеоновским настроем, но с милосердием в душе закончил свою жизнь разочарованным и озлобленным человеком. Он умер в 1790 году, через год после начала Французской революции, которая стала последней каплей, убедившей его в бессмысленности дела всей его жизни. С ним умер еще один шанс предоставить империи жизнь в ее собственном естественном проявлении.

Пока все зависело от Франции. При преемниках Иосифа, его брате Леопольде и два года спустя его племяннике Франце, династия вернулась к дотерезианским традициям, чтобы противостоять революционной опасности и угрозе Наполеона. Она правила с помощью трех ветвей власти, которые поддерживали ее в прошлом, – армии, церкви и дворянства. Единственными полномочиями, которыми обладали Габсбурги, были право предоставлять привилегии тем, кто полностью подчинялся им, и право получать привилегии от церкви, которой они полностью подчинялись. Армия являлась самым важным сословием в государстве и в то же время объединяющей силой огромного влияния, а также щитом. Знать пользовалась бесчисленными привилегиями, в обмен на которые она управляла народом. После поражения Наполеона Меттерних направил всю свою энергию на то, что сегодня считается важнейшей задачей государственного деятеля, – на поддержание мира.

6

После того как Наполеон благополучно добрался до острова Святой Елены, объединяющей идеей его завоевателей стало возвращение к статус-кво. После двадцати трех лет борьбы за свое существование державы находились в истощенном состоянии. Народы, нуждаясь в отдыхе, поначалу вели себя пассивно в руках своих правителей. А те, побуждаемые к активной деятельности тем, что они воспринимали как уроки Французской революции, максимально использовали предоставившуюся им возможность. Под многократными ударами молота старая модель Европы была разбита вдребезги, и теперь повсюду были выдвигенцы Бонапарта, восседавшие на новых и на старинных престолах. Затем произошло чудо, и, когда дым рассеялся, мир на минуту стал таким же чудесным, каким был когда-то давным-давно. Главной задачей Венского конгресса 1815 года было сделать так, чтобы все оставалось по-прежнему, и обуздать Францию.

Две автократии, Австрия и Россия, пережили ураган, по-видимому оставшись невредимыми. Третья, Пруссия, восстановила свои позиции на несколько более прочной основе, чем раньше. Франция вернулась к своим дореволюционным границам, став монархией во главе с Бурбонами на троне. Англия, хотя и страдала от последствий промышленной революции, сделалась безгранично богатой. Император Австрии Франц II являлся старейшим монархом Европы, и он с братской теплотой протянул руку помощи своим братьям-монархам в Пруссии и России: все они поклялись помогать друг другу при первых признаках революционного насилия, но в то время еще не было сил для насилия. В Вене не сразу осознали, что прежнее равновесие уже нарушено растущей активностью России и растущей мощью Пруссии.

Еще одним явлением, совершенно не оцененным, стало возникновение новых элементов, отсутствовавших в старой системе. Разумеется, существовал глубокий страх перед дальнейшей революционной деятельностью, но революция мыслилась исключительно в терминах злобной толпы и цареубийц. Францу не приходило в голову, что люди, которые не являлись ни подонками, ни потенциальными убийцами, теперь загорелись новыми идеями, прежде всего национализма и демократии: их безнадежно путали друг с другом, образуя взрывоопасную смесь.

Одна из целей Французской революции состояла в том, чтобы показать силу масс; одна из целей Наполеона, создавшего массовые армии, было формальное признание этой силы, когда он думал, что сокрушает ее. Но гораздо важнее, чем грубая сила косноязычных масс, было быстрое развитие городского среднего класса. Появились и другие предзнаменования. Например, в тот самый год, когда произошла битва при Ватерлоо, родился Бисмарк; Кавуру тогда было пять лет. Карл Маркс, который был на три года моложе Бисмарка, родился в Трире 5 мая 1818 года.

Главным архитектором новой континентальной системы, которая не принимала во внимание все эти факторы, стал Меттерних, великолепно образованный имперский канцлер, путавший дипломатию с правительством. Его ум был настолько развитым, а восприятие – настолько тонким, что с помощью своего блестящего советника Фридриха фон Генца он острее, чем кто-либо другой, осознавал ограниченность собственных достижений. Он плохо видел недостатки своего характера, которые позволили ему увлечься импульсом собственной виртуозности. В Вене у него не было корней: он был уроженцем Рейна, делавшим карьеру при иностранном дворе; его одержимость Францией, вполне естественная и разделяемая другими, привела его к неправильному пониманию новых реалий европейского могущества. Кроме того, его неустойчивое восприятие новых народных сил сводилось на нет характером его хозяина, Франца II, у которого имелась только одна идея – о том, что любые перемены – это явное зло. В восприятии Франца дело было не в сопротивлении переменам, достаточно было запретить их.

Франц II, дед Франца Иосифа, никоим образом не был злобным тираном. Он был добрейшим из отцов, обожаемым дядей, а его суховатая, добродушная уравновешенность какое-то время служила тем, в чем нуждались люди. Он был достаточно умен, чтобы перенаправить критику пороков собственного режима на своих министров. Его Вена стала Веной Бетховена и Шуберта, поэта Грильпарцера и драматургов Рай-мунда и Нестроя. Внешне все казалось спокойным и размеренным, а императорский двор выглядел скромным и далеким от показушности. Двор питал склонность к искусству: опера и театр многим были ему обязаны. Но цензура, ограничивавшая свободу слова, была тотальной, и, чтобы обойти ее скольконибудь успешно, требовался Грильпарцер или Нестрой. Чудовищно раздутые силы жандармерии, кишасшие повсюду шпионы и информаторы, а также цензоры – существовала внутренняя почтовая цензура, от которой не были застрахованы даже эрцгерцоги, – не только отпугивали существующие таланты, но и препятствовали открытию и развитию нового мышления. Также запрещалось общение с миром за пределами империи, так что такие разные люди, как лорд Палмерстон и Карл Маркс, в свое время подхватили фразу молодого Дизраэли и стали называть Австрию европейским Китаем. По сравнению с Англией времен двух последних Георгов австрийское общество отличалось опрятностью и благопристойностью, более того, его жизнь протекала гладко. Различие состояло в том, что Каслри³, который представлял Англию на Венском конгрессе и дал английское благословение Священному союзу, «коронованным заговорщикам» Сиднея Смита⁴, был фигурой, вызывавшей открытую ненависть, и, когда он покончил с собой, его сменил Каннинг⁵. И не было Каннинга, который мог бы занять место Меттерниха, и не было Байрона, который проклинал бы его и глумился над его гробом⁶.

³ Каслри Роберт Стюарт, виконт (1769–1822) – консервативный британский политик ирландского происхождения, на протяжении десяти лет (1812–1822) занимавший пост министра иностранных дел; после падения Наполеона один из самых влиятельных людей Европы.

⁴ Смит Уильям Сидней (1764–1840) – британский адмирал; наряду с Горацио Нельсоном один из британских героев того времени.

⁵ Каннинг Джордж (1770–1827) – английский политический деятель, представитель либерального крыла партии тори, с марта 1807 по октябрь 1809 г. на посту министра иностранных дел отвечавший за поведение Великобритании во время Наполеоновских войн в Европе; один из главных оппонентов Священного союза; премьер-министр Великобритании в 1827 г.

⁶ Лорд Байрон откликнулся на известие о смерти министра эпиграммой: О Кэстелри, ты истый патриот. Герой Катон погиб за свой народ, А ты отчизну спас не подвигом, не битвой — Ты злейшего ее врага зарезал бритвой. Что? Перерезал глотку он

Франц, как и другие Габсбурги, был готов подчиниться любой силе, кроме народных настроений. Неправильно думать, будто Габсбурги вечно стояли на месте: напротив, семья была склонна двигаться слишком быстро, слишком часто, слишком опрометчиво, нередко демонстрируя полное безрассудство в решимости сохранить свое наследие, приспосабливаясь к новым обстоятельствам жизни. Сам Франц, которому довелось пережить гильотинирование сестры своего отца Марии-Антуанетты и присутствие Наполеона-завоевателя в Шёнбрунне, слишком спокойно воспринял власть Наполеона как постоянную, согласился отказаться от своего исторического титула императора Священной Римской империи и выдал собственную дочь Марию Луизу замуж за выскочку – императора Франции. Габсбурги, отличавшиеся редким талантом в приобретениях, были едва ли менее талантливы в своем хладнокровии, когда дело доходило до сокращения потерь – всегда, разумеется, с расчетом возместить потерянное позже. Для Франца II было вполне естественно снова напасть на своего чудовищного зятя, когда силы орла стали иссякать, и принять участие в его уничтожении. Но ему никогда не приходило в голову спросить, кто сражался, или предложить даже самое ограниченное участие в прибылях своим людям, которые помогли ему одержать верх.

У его подданных был добродушный, сдержанный и благожелательный монарх: чего еще они могли желать? Те, кто считал, что хочет большего, были нечестивцами, потому что их монарх был поставлен над ними Богом: для них самым подходящим местом была тюрьма Шпильберг. Дело было не только в том, что Францу нечего было дать своим народам, кроме мира в полицейском государстве, он предпочитал, чтобы они ничего не давали ему, требуя от них только повиновения. Франц остался недоволен, когда великий тирольский патриот Андреас Хофер возглавил стихийное восстание своих соотечественников-горцев против французов и против баварцев, которым Наполеон отдал Тироль, а потом снова против французов, не переставая биться за союз с Австрией под императорской короной. Он позволил французам схватить Хофера и расстрелять его. Меньше всего он хотел видеть расцвет австрийского национального патриотизма. Габсбурги существовали, чтобы повелевать, а народ – чтобы повиноваться. Габсбурги могли выстоять или пасть в зависимости от своего собственного суверенитета: они предпочли бы пасть, чем быть обязанными какому-то народному герою, вызывавшему опасные мысли. Национальный патриотизм был опасной идеей: он давал людям представление, что их положение выше, и мог, если его поощрять, привести к требованиям участия в управлении государством. По общему признанию, Франц довел идею Габсбургов до карикатурности. Именно он задал знаменитый вопрос, который подытожил общее отношение Габсбургов. Когда ему порекомендовали выдающегося слугу империи как безупречного патриота, сухой старый хрыч спросил: «Но патриот ли он для меня?»

Это мировоззрение было не таким уж абсурдным, как кажется. Оно имело самые прочные корни, уходящие глубоко в историю. Но после Французской революции его стало недостаточно. Оно могло быть справедливым лишь при Франце, но, когда Франца, умершего в 1835 году, сменил обаятельный, но слабоумный Фердинанд I, так больше не могло продолжаться.

Слишком многие люди с неприязнью относились к Фердинанду. Подверженный эпилепсии, хрупкого сложения, он едва мог связать пару предложений. Правда, слабоумных королей было много, но, пожалуй, ни один из них не был таким добродушным. «Что это за двуногое животное без перьев, называемое императором? – спросил Палмерстон у своего посла в Вене и сам себе ответил: – Совершенное ничтожество, почти идиот». И в другом письме снова задался вопросом: «Как может империя в наши дни устоять без императора во главе? А под императором я подразумеваю человека, наделенного интеллектуальными способностями, соответствующими его высокому положению. Обыкновенное соломенное чучело, Гай Фокс,

вроде нынешнего императора, может преуспеть в спокойные времена...» Жители Вены знали, что он слабоумный, но они обожали его даже в самый разгар революции, которая вынудила его отречься от престола, и подбадривали своего императора, когда он выезжал из дворца. «Я император, и я хочу клетки!» – однажды возмущенно воскликнул он, и выдающийся британский историк заметил, что это было его единственное связное высказывание в истории⁷. Это несправедливо. Он оставил после себя много вразумительных и положительных замечаний. Когда в 1848 году, после того как он пробыл на троне тринадцать лет, разразилась революция, сильные мира сего увезли Фердинанда из Вены в Ольмюц в Моравии и заставили отречься от престола в пользу его восемнадцатилетнего племянника. В зале архиепископского дворца он доминировал во время напряженной и молчаливой церемонии. Новый молодой император подошел к нему и опустился перед ним на колени. «Да благословит тебя Господь, – прошептал бедный монарх. – Будьте смелы. Бог защитит вас. Делаю это с радостью». Затем он направился в личные апартаменты, бывший император, со своей верной, доброй и некрасивой бывшей императрицей Марианной Сардинской, чтобы собрать свои вещи. Впоследствии он записал в своем дневнике события того знаменательного дня: «Церемония завершилась тем, что новый император преклонил колени перед своим императором и господином, то есть передо мной, и попросил благословения, которое я дал, возложив руки на его голову и осенив его Святым Крестом. Тогда я обнял его, и он поцеловал мне руку. А потом моя дорогая жена обняла и поцеловала нашего нового правителя, и мы пошли в свою комнату. Вскоре после этого мы с моей дорогой женой посетили Святую мессу в часовне епископской резиденции... А потом мы с моей дорогой женой собрали вещи...»

Итак, новым императором стал Франц Иосиф, восемнадцатилетний юноша. Это произошло в декабре 1848 года, после нескольких месяцев мятежей, в ходе которых, казалось, империя может быть уничтожена. Меттерних надеялся, что сможет использовать бедного Фердинанда, что с юродивым на троне он сможет стать фактическим правителем империи и по своему провести реформы, которые давно считал необходимыми. При Франце же его полномочия были ограничены внешней политикой, и ему приходилось бессильно наблюдать, как его великий соперник Коловрат преграждал дорогу реформам внутри страны. Да, Коловрат все еще заседал в Регентском совете под председательством дяди императора Фердинанда эрцгерцога Людвига. Тупиковая ситуация сохранялась. Новое европейское революционное движение 1848 года, завершившееся в Австрии отречением Фердинанда, началось во Франции свержением Луи Филиппа, что послужило сигналом к всеобщему восстанию против абсолютизма, против господствующих наций. Система Меттерниха, абсолютистская и сугубо имперская по своему характеру, служила естественной мишенью для всех этих движений; и сам Меттерних стал первой значительной жертвой. То, что произошло после его падения, являлось подтверждением его веры в необходимость сильной центральной власти.

⁷ Сохранился исторический анекдот, часто приводимый как свидетельство недалекости Фердинанда и нередко не совсем верно интерпретируемый как единственное применение императорской власти за всю его жизнь: когда повар доложил, что не может приготовить требуемые абрикосовые клетки (марилленкнёдель), потому что не сезон абрикосов, Фердинанд возмущенно воскликнул: «Я император, и я хочу клетки!»

Часть первая Революция и реакция

Глава 1 Предмартовский период

Эпоху Меттерниха часто называют периодом застоя. На самом деле это был период застоя только в том смысле, что Австрия не вела военных действий и не проводила радикальных внутренних реформ. На самом деле это был период стремительного экономического роста и необыкновенного процветания, который запомнился как время, когда каждый мог есть в воскресенье жареную курицу⁸. Промышленная революция в Австрии началась сразу после Венского конгресса. Недавно приобретенные провинции Ломбардия и Венеция, богатые и плодородные, были включены в таможенную зону Австрии и сразу же обеспечили новый рынок сбыта для промышленных провинций старой Австрии. Император лично учредил при дворе управление для развития торговли, прежде всего для привлечения специалистов всех мастей из-за границы. Первые ткацкие станки были привезены из Англии, затем появилась паровая машина Уатта. За «Китайской стеной» процветали иностранные промышленники, и почти все фабрики, открытые в первой половине XIX века, были основаны англичанами, французами, швейцарцами, бельгийцами и жителями Рейнской области. Именно при Франце и Меттернихе на основе регионального разделения труда было создано экономическое единство империи. Нижняя и Верхняя Австрия производили хлопок, Богемия и Моравия – лен и шерсть, Штирия и Каринтия служили центрами добычи полезных ископаемых, а при несчастном Фердинанде была построена первая паровая железная дорога, творение венского Ротшильда, которого Меттерних уговорил приехать из Франкфурта в Австрию. В этот период застоя были прочно заложены основы для грандиозного промышленного расцвета правления Франца Иосифа.

Не следует также считать, будто период Меттерниха, от которого слишком легко отмахнуться как от периода притеснения, принес горечь и разочарование в жизнь подданных императора.

Напротив, правление Фердинанда пришлось на эпоху Бидермайера⁹, эпоху комфортного существования среднего класса с упором на порядочность и оптимистическую жизнерадостность и с сильным привкусом мещанства: мещанство отчасти маскировалось увлечением музыкой и театром. Поскольку политика являлась запретной темой, а все идеи – подозрительными, музыка, театр, беседы в кафе, еда и выпивка, увлечение модными нарядами и, разумеется, танцами служили единственными выходами для избытка энергии тех, кому не приходилось работать по шестнадцать часов в сутки, чтобы сводить концы с концами. Можно задаться вопросом: чего еще желать в краткий период жизни «от колыбели до могилы»? Большинство людей и не желали большего, и это было больше того, чем основная масса людей стала пользоваться, когда власти уже полагались на чудеса прикладной науки и спортивные соревнования, чтобы приглушить умы и сбросить излишки энергии, которые могут начать проявляться в виде щекотливых вопросов. Единственными, кто на самом деле требовал большего, являлась радикаль-

⁸ В 1600 г. во время спора с герцогом Савойским французский король Генрих IV обронил такую фразу: «Если Бог даст мне еще несколько лет жизни, я позабочусь, чтобы в моем королевстве у любого крестьянина была возможность в каждое воскресенье запечь курицу в горшке (la poule au pot)».

⁹ Герр Бидермайер, давший свое имя буржуазной культуре того периода, был вымышленным персонажем, придуманным писателем Людвигом Пфау как типичный честный, обывательский, обеспеченный буржуа. (Примеч. авт.)

ная интеллигенция, которую, как и их собратьев по всей Европе, охватило общее настроение революционного недовольства. До первого кризиса капитализма в голодные сороковые годы не было восстания рабочих, не было также и крестьянских восстаний.

Вена, к примеру, являлась городом ремесленников – каретников, перчаточников, токарей, производителей инструментов, прежде всего знаменитых мастеров по изготовлению фортепиано, в то же время в живописных пригородах располагались колонии шелкоткачей, слесарей и других умельцев. В течение недели они зарабатывали хорошие деньги, а по воскресеньям тратили их, словно не заботясь о завтрашнем дне, на музыку, танцы, вино и вкусную еду, предпочитая веселиться на открытом воздухе среди холмов и виноградников городских предместий. До сороковых годов не было безработицы, когда, как и везде, промышленная революция развивалась бурными темпами. То же самое наблюдалось и среди крестьян по всей империи, остававшейся преимущественно аграрной. Иногда им нечего было есть. Но они винили в этом не социальную систему, а плохой урожай. Когда урожай выдавался хорошим, они жили в достатке и благодарили Бога.

Но наступивший кризис нанес жестокий удар. К середине сороковых влияние городов оказалось слишком сильным. Новых фабрик было слишком мало, чтобы обеспечить работой детей бедных крестьян, которые стекались с гор и засушливых равнин в поисках счастья, пополняя ряды обездоленных ремесленников, чей старинный образ жизни рушился под натиском революции. Как и в других странах, у радикальной и революционной интеллигенции теперь имелся необходимый материал. И то, что произошло дальше, породило главный вопрос конца XIX и начала XX века, на который так и нет ответа. Был ли целесообразен подъем радикальной интеллигенции, был ли необходим ее беспрепятственный прогресс для того, чтобы человечество могло подняться на широкие высоты демократической свободы? Или являлась тупиком сама эта концепция демократической свободы, придуманная для того, чтобы сделать мир надежным для интеллигенции, которая счастлива только тогда, когда играет в политику, независимо от того, какой ценой она приносит пользу массам? Необходим ли был этот подъем радикальной интеллигенции, необходимо ли было ее бурное развитие для того, чтобы человечество могло прийти к высотам демократической свободы?

Разумеется, для венского бидермайера этот вопрос не существовал. А для представителей среднего класса трущобы первой промышленной революции были столь же далеки, как лондонские кварталы бедняков и индустриальные районы Севера от среднего класса Англии XIX века. Никакой видимой классовой борьбы не существовало. Аристократия была также далека от среднего класса, за исключением того, что представляла собой эксцентричное и декоративное обрамление.

Сегодня посетитель Вены может проникнуть в бесчисленные дворцы, большие и маленькие, которые используются в качестве институтов, офисов или даже музеев: его окружают, словно в золотой дымке, архитектурные шедевры Фишера фон Эрлаха, Хильдебрандта и других художников – великолепное роскошество барокко обвивает его причудливыми завитками цветного мрамора, малахита и алебаstra. Чарующее буйство рококо едва ли не душит его своими воплощенными в позолоченные завитки иллюзиями. Он попадает в сказочную страну, где каждая декоративная обивка – это настоящий гобелен, а каждая люстра – застывший фонтан из чистейшего хрусталя. Но до революции 1848 года Вена не принадлежала среднему классу бидермайеров. Большинство подданных императора не могли даже вообразить жизнь, протекавшую за стенами этих дворцов. В мае все они отправлялись на традиционную прогулку по Пратеру, шествуя по главной аллее протяженностью в две мили, и император тоже выезжал на прогулку; тысячи горожан выливались на улицы поглазеть на проезжавшие мимо экипажи – сверкающая кавалькада блестящих красок, отполированная до лоска кожа, холеные лошади, скрип колес и звонкий стук копыт. Затем они возвращались туда, где им было самое место. На узких улочках среди высоких старинных домов и дворцов распахивались огромные деревянные

ворота, пропуская экипажи внутрь вымощенных булыжником дворов, и снова закрывались, являя миру пустое лицо, не содержащее ничего, что могло бы навести на мысль о внутреннем великолепии, кроме массивного фасада и, возможно, резного герба или импровизированных шлемов, копий, топоров, солнечных лучей и облаков, созданных кем-то из ранних художников – мастеров XVII века.

В узких переулках также жили представители среднего класса в своих квартирах или небольших домах. Большинство из них были государственными служащими, но некоторые в свободное время могли быть также художниками, скульпторами, музыкантами, некоторые, как Грильпарцер, принадлежали к писателям и поэтам, боровшимся с цензурой. Некоторые тайно занимались политикой, составляя манифесты и публикуя их под псевдонимами. Им платили мало, а арендная плата была очень высокой, но они умели наслаждаться жизнью: не слишком тяжелой работой днем в конторе, веселыми вечеринками по вечерам с бесконечными разговорами, музыкой, пением и выпивкой. Вечеринки обходились недорого – вино и колбаски, гости могли играть на пианино, пока остальные кружились в танце. Это было время Штрауса-старшего и Ланнера, и каждый раз, когда появлялся новый вальс, пресса (единственными бесплатными и читаемыми были газеты, посвященные театру и искусству) отводила ему целые колонки, как теперь новому фильму или телешоу.

Этих двух композиторов обожаствовали, и они зарабатывали кучи денег – город двигался и жил в соответствии с их ритмом. Но когда дело дошло до более серьезной музыки, все оказалось совсем по-другому. Знатные аристократические семьи, покровительствовавшие ранее Гайдну, а позже Бетховену, чаще всего не симпатизировали новой волне, и кульминацией придворной Венской оперы был трехмесячный сезон итальянской оперы с итальянскими дирижерами и певцами. Даже постоянный директор Венской оперы Отто Николаи, имевший большой успех при постановке своих «Виндзорских проказниц», едва сводил концы с концами. Альберт Лорцинг, сочинитель музыки к опере «Царь и плотник» и ко многим другим популярным операм, в более позднее время сколотил бы целое состояние, но не в Вене эпохи бидермайера. Он ставил оперу в театре «Ан дер Вин» за гроши, за свои собственные оперы получал небольшую сумму авансом от каждого оперного театра по всей Германии, который их ставил, – и не более того, какими бы успешными они ни были.

А когда вдохновение иссякло, он был вынужден вернуться к своей юношеской профессии актера, чтобы как-то выживать.

Это было время, когда тихая голодная смерть на чердаках воспринималась как нечто само собой разумеющееся, как вероятный конец даже самых успешных художников, писателей и музыкантов, когда их настигала старость. Это была эпоха, когда великое наследие XVIII века было практически забыто. Год за годом Гайдна чествовали за постановки «Времен года» и «Сотворения мира», но и только. Моцарта игнорировали и плохо понимали. Шуберт славился исключительно своими песнями и несколькими фортепианными пьесами. Шуман проводил много времени в Вене, но публика увлекалась не его сочинениями, а фортепианной игрой его жены Клары Вик, которой приходилось его содержать. Это был также век великих виртуозов: музыканты обнаружили, что могут добиться гораздо большего, путешествуя в качестве исполнителей, чем сочиняя музыку, и великим музыкантом был Ференц Лист. В те дни в Вене существовало правило, согласно которому никто не мог давать вечерние концерты, потому что ни один концерт не мог совпадать по времени со спектаклями официально субсидируемых театров. Таким образом, все исполнение музыки на публике, за исключением оперы, должно было проводиться в полдень: воскресные концерты Венского филармонического оркестра, основанного Николаи, начинались в 12:30. Единственным музыкантом, имевшим достаточно авторитета, чтобы нарушить этот запрет, был Лист, дававший свои концерты поздно вечером, после закрытия театров.

Притязания Вены на то, что она является истинной родиной музыки, не всегда вызывали согласие. Возможно, Россини и вытеснил Бетховена в глазах публики, но в 1845 году Гектор Берлиоз приехал в Вену и его серия концертов имела ошеломляющий успех, на них, помимо «Ромео и Джульетты» и «Гарольда в Италии», исполняли «Фантастическую симфонию» – удивительное произведение, которое должно было отозваться эхом в течение столетия как предзнаменование, которое начало обретать смысл только в 1914 году.

«Любому серьезному наблюдателю кажется, будто жители Вены пребывают в состоянии вечного опьянения. Есть, пить и веселиться – вот три главные добродетели и удовольствия венцев. Для них все время – воскресенье, всегда карнавал. Музыка повсюду. Бесчисленные трактиры полны гуляк день и ночь. Везде толпы щеголей и модных куколок. Везде, в повседневной жизни, в искусстве и литературе, царит эта тонкая и остроумная шутка. Для венцев единственный смысл любого важнейшего события в мире заключается в том, что они могут пошутить об этом».

Наблюдателем, о котором идет речь, был писатель-бунтарь Франц Шюселька, которому пришлось опубликовать свою работу в Гамбурге; он принадлежал к небольшой, но быстро растущей группе сознательных противников абсолютизма.

Настроение, которое он намеревался описать, было порождением безответственности, а безответственность существовала, потому что людям запрещалось нести ответственность. Власть была всем, и власть все отрицала. По словам другого мятежника, Матиаса Коха, вся система была отрицанием – это была бронзовая табличка, на которой были выгравированы нерушимые слова: «Никаких уступок, никакой конституции, никаких нововведений». Она возвышалась над поверженным живым организмом, называемым государством, конечности которого были скованы цепями...

Полицейская цензура барона Седлицкого теоретически являлась всесильной, но на самом деле носила венский характер. Как и во всех потенциально тоталитарных системах, цензура извне усиливалась и становилась эффективной только благодаря деморализующей форме самоцензуры, практикуемой индивидом, у которого развивается четкое представление, как далеко он может зайти, не оскорбляя власти. В 1840-х годах система самоцензуры в Австрии начала разрушаться. Австрийские критики собственной системы, такие как Шюселька, публиковались за пределами страны, и их памфлеты ввозились контрабандой. Появилось множество читательских клубов с невинными целями, скрывающими сознательные политические намерения. В Вене почти открыто стали распространяться различные журналы, издаваемые в Германии и в основном австрийцами. Либеральные средние классы с удивлением обнаружили, что теперь они идут в ногу с целой когортой аристократических фигур, которые использовали местные ландтаги, прежде всего Земельный парламент Нижней Австрии, здание которого располагалось на Херренгассе, почти примыкая к Хофбургу, призывая к реформам: Фрейхерр фон Добльхофф-Дир, граф Монтекукколи, Антон фон Шмерлинг (позже ставший первым министром), граф Коллоредо-Мансфельд. Фон Меринг, выдающийся сотрудник Генерального штаба, наставник детей эрцгерцога Райнера, выпустил под псевдонимом труд «Сивиллины книги Австрии»¹⁰, в котором критиковал систему в выражениях, которые могли бы сделать честь Палмерстону¹¹. Режим, по его словам, прогнал в том смысле, что не доверял никому, кроме привилегированной знати, и относился к массам просто как к вьючным животным, кото-

¹⁰ «Сивиллины книги» (*лат. Libri Sibyllini*) – собрание пророческих текстов на греческом языке, которое, как считалось, содержало ответы на вопросы о будущем, особенно в отношении бедствий и способов их предотвращения. Эти книги были написаны сивиллами – пророчицами в Древнем мире.

¹¹ Палмерстон Генри Джон Темпл (1784–1865), с 1802 г. 3-й виконт Палмерстон – английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, затем внешней политикой государства, премьер-министр Великобритании в 1855–1858 и 1859–1865 гг. «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных друзей, но вечны и постоянны наши интересы» – так определял принципы внешней политики Англии лорд Палмерстон.

рые также должны были платить налоги и сражаться в армии; Меринг нападал на свою собственную служилую касту. Прежде всего, он настаивал на том, что система привела к отчуждению всех национальностей империи, ей удалось превратить богемцев в чехов, венгров в мадьяр, венецианцев и ломбардцев в итальянцев. Она была намеренно направлена на то, чтобы препятствовать развитию общего австрийского патриотизма, и во всей империи не нашлось бы ни одного гражданина, который мог бы гордиться тем, что он австриец. Эта книга посвящалась эрцгерцогине Софии, невестке императора Франца и матери будущего императора.

Призывов к революции по-прежнему не звучало: как уже указывалось, повсюду царили настроения сознательного неприятия абсолютизма. Не требовалось ничего большего, чем оживления режима, принятие некой конституции, свободы слова, «либерального» парламента, элементарного билля о правах. К императору всегда относились с уважением, граничащим с чрезмерностью. Вся вина возлагалась на эрцгерцога Людвига и Государственное совещание. Когда 24 февраля разразилась революция, в Вене наступило время карнавала, празднования фашинга¹², и ни один фашинг до этого не выглядел столь ярким и праздничным. Публичные балы, бесконечная череда которых была заполнена людьми. Лист собирал полные залы; Мейербер дал премьеру своего творения «Вельки» в Опере; великолепная Йенни Линд заставляла публику восхищаться и плакать, и студенты собирались выпрячь лошадей из ее кареты и с триумфом пронести ее на руках по улицам.

Три недели спустя студенты вышли на улицы уже в другом качестве, простые граждане были расстреляны венским гарнизоном, а Меттерних бежал из страны.

¹² Фашинг также известный как немецкий карнавал, – это период народных гуляний и карнавальных шествий, который обычно отмечается в преддверии Великого поста.

Глава 2

Восставшие народы

1

Восстания 1848 года имели для разных народов разное значение. На это были серьезные экономические причины, но студенты, которые вышли на демонстрации в Будапеште, Вене и Праге, в основном не осознавали их. Произошел взрыв нарастающих националистических движений; но когда правители Вены слышали отголоски неистовых выкриков: «Венгрия – мадьярам! Богемия – славянам! Италия – итальянцам! Австрия – немцам!», то не имели ни малейшего представления о силе этой новой страсти к национальному самосознанию и считали ее просто странным и уродливым проявлением революционного порыва к разрушению: национализм для них был бессмысленным синонимом нелояльности к монархии. И только итальянцы хотели навсегда избавиться от Габсбургов и всего, что с ними связано; и если бы сидящие в Хофбурге не затыкали уши, чтобы не слышать ничего, кроме глухого, неприятного гула взбунтовавшейся толпы, то обрели бы нечто большее, чем просто уверенность, – они обрели бы позитивное ободрение. В те мартовские дни могущественный император мог бы встать во главе всех своих народов, за исключением итальянцев, и повести их по новому пути под своей значительно укрепившейся властью. Имея за плечами сильную империю и возросший престиж в Германии, он мог бы затем заняться итальянскими провинциями. Но императором был слабый Фердинанд.

Радикально настроенные демонстранты с самого начала делали все возможное, чтобы возвеличить бедного Фердинанда. В Вене 13 марта день начался достаточно спокойно, и демонстрации прошли под лозунгом: «Венцы! Освободите вашего доброго императора Фердинанда от оков его врагов! Те, кто желает процветания Австрии, должны желать свержения ее правителей!», то есть Меттерниха и его системы, и именно с идеями этого лозунга, вывешенного на стене собора, студенты вышли из университета на демонстрацию, проходившую не у Хофбурга, императорской резиденции, а у здания Земельного парламента Нижней Австрии на Херренгассе, неподалеку. Ландтаг открыл свое срочное заседание, в ходе которого либерально настроенные лидеры, все члены дворянства, предложили сформулировать свои требования к реформам. Студенты вышли поддержать их. Когда они добрались до места, то не знали, что делать. Более того, они были удивлены, что вообще там оказались. Большинство жителей Вены, заранее знавшие о демонстрации, предполагали, что она не будет разрешена. Грильпарцер писал в своих мемуарах: «Я помню, как смеялся в лицо нескольким бунтарям, каждого из которых я более или менее знал. Я спросил их: „Вы действительно думаете, что власти позволят вашей демонстрации к чему-либо привести?.. Но неожиданное действительно произошло. Им не чинили никаких препятствий, и бунт 13 марта состоялся».

Начало не походило на бунт. В тот теплый пасмурный мартовский день студенты просто стояли, размышляя, что делать дальше и как добавить энергии в обсуждения на заседании ландтага под председательством графа Монтекукколи, которое проходило за окнами прямо над их головами. Все могло бы вообще ни к чему не привести, но выведенный из себя нерешительностью толпы молодой врач из Главного госпиталя Адольф Фишхоф, пришедший на демонстрацию с заготовленной речью, вдруг нашел в себе смелость и воскликнул: «Господа! Послушайте меня!» Толпа была только рада выслушать любого, кто считал, что знает, что сказать. Фишхофа подняли на плечи, и впервые за десятилетия голос, выражавший возвышенные человеческие стремления, был услышан прилюдно в самом сердце этого прекрасного города.

Фишхоф не был великим оратором, но он был искренним и порядочным человеком, которого вскоре затмили события, и он вернулся к своему врачеванию. Он, как никто другой, выразил то, что таилось в сердцах десятков тысяч людей, охваченных страхом и внезапной надеждой, полных решимости использовать частицу неистового, свободного духа Французской революции на своей собственной земле, но при этом вовсе не склонных разрушать все вокруг. Его требования выглядели достаточно скромно. Собравшаяся толпа вовсе не походила на банду разрушителей. Прежде всего и больше всего он требовал свободы слова и свободы прессы, необходимость которых просто и проникновенно аргументировались.

«Желания индивидуума остаются незамеченными, пока они выражены только им самим. Подобно каплям воды, они, падая по отдельности, впитываются землей, исчезают в песке или испаряются в воздухе. Но если индивидуальные желания можно заставить течь вместе по тысячам каналов, речушек и ручейков прессы, они постепенно превратятся в могучие и непреодолимые потоки общественного мнения. Тогда горе тому государственному деятелю, который имеет дерзость направлять корабль государства против течения».

Затем шло требование суда с присяжными заседателями, представительного собрания, свободы преподавания. И наконец, призыв к укреплению единства и взаимной терпимости во всех частях империи.

«Непродуманная государственная политика разобщила народы Австрии. Теперь они должны стать братьями и приумножить свои силы посредством объединения...

Пусть амбициозные немцы, одержимые своими идеями, упорные, трудолюбивые, терпеливые славяне, рыцарственные и отважные мадьяры, умные, дальновидные итальянцы – пусть все они сосредоточатся на общих государственных проблемах...

Да здравствует Австрия и ее славное будущее!

Да здравствует объединенный народ Австрии!

Да здравствует свобода!»

Вот и все; но Фишхофу бурно аплодировали: он мог бы стать Дантоном. Но он вовсе не был им: он был умным и рассудительным австрийским радикалом. Нашлись и другие, похожие на него, но в последующие годы Фишхоф в своих работах показал себя отнюдь не простодушным приверженцем туманных идеалов, а проникательным и целеустремленным либеральным мыслителем. Ни он, ни кто-либо подобный ему не подошли к династии, которой он отчаянно хотел служить, чтобы расширить основы ее власти и укрепить связь с народом. Династия не стала расширять свои основы. У нее не имелось ни малейших возражений против использования талантов среднего класса там, где они имелись, и она использовала их в самых разных целях. Но в последующие критические годы эти таланты надлежало безоговорочно предоставить в распоряжение самодержца. В течение нескольких лет, последовавших за восшествием на престол нового императора, старая знать была расстроена и возмущена тем, что Франц Иосиф предпочитал талантливых политиков без роду и племени. Но на самом деле это служило признаком его юношеского презрения к людям. Он не делал попыток выяснить, кто достоин, а кто нет. Таким образом, в тот мартовский день, когда Адольф Фишхоф выступал с речью о человеческом благородстве и пробуждении общественного сознания в Австрии, рядом присутствовал еще один молодой человек, весьма активно действовавший в радикальных кругах, – блестящий юрист по имени Александр Бах. О нем князь Адольф Шварценберг в биографии своего выдающегося предка, первого премьер-министра Франца Иосифа, писал: «Его девизом, должно быть, было: „Совершенствоваться – значит меняться, быть совершенным – значит меняться часто“». Удивительно беспринципный, честолюбивый перебежчик самого высокого пошиба Бах менял свою позицию так часто, так стремительно и с таким воодушевлением, что после ряда престижных маневров стал не просто главным советником императора, но и самым безжалостным представителем реакционного режима.

Это один из взглядов на ситуацию. Именно такой считался естественным для либералов XIX и начала XX века. Но правильный ли он? Теперь легко увидеть, что Фишхоф требовал слишком многого в идеалистическом плане и слишком мало в материальном. В каждой стране, где напечатаны эти слова, существует свободная пресса, суд присяжных, ответственное министерство, некое представительное собрание и определенная степень свободы, когда дело касается образования. Но мы знаем, как легко для стран, которые когда-то пользовались этими свободами, потерять их. Более того, мы увидели, что даже в тех странах, где они процветают, этих свобод недостаточно для создания общества, о котором мечтали радикалы XIX века. Мы видим, как во всех странах, будь то тоталитарных или свободных, народное образование вместе с индустриализацией идет рука об руку с растущим стремлением к материальному благополучию и соответствующим пренебрежением к высокому образу мыслей, так что идеал братства между народами остается самым слабым из благородных стремлений. Не Меттерних разъединял народы, как считал Фишхоф и как, казалось, подтверждала австрийская система внутренних паспортов. Напротив, нужен был Меттерних – или Мария Терезия, или Иосиф II, – чтобы сплотить их.

Ибо даже в то время, когда Фишхоф произносил пылкую речь перед огромной толпой на Херренгассе и призывал правителей позволить народам империи свободно объединяться в общих интересах, в Милане, в Венеции, в Будапеште, в Братиславе, в Кракове и Праге представители различных народов также выходили на улицы, требуя своих свобод, свободного выражения своего национального духа – что слишком часто в действительности означало свободу «исторических наций» империи угнетать собственные меньшинства более жестоко, чем они сами когда-либо угнетались Веной. И в самой Вене тоже, когда вспыхнуло восстание, когда призыв к высоким идеалам был растоптан толпой, когда началась стрельба, когда рабочие пришли из пригородов, чтобы снести фонарные столбы с ворот, ведущих во внутренний город, слишком многие мятежники (но не Фишхоф) проявили меньшую заинтересованность в создании своего рода центральноевропейской Лиги Наций под патронажем благосклонного и наднационального монарха, чем в объединении со своими немецкими кузенами на севере, чтобы образовать господствующую нацию под черно-красно-желтым флагом. Два дня спустя, когда первые вспышки гнева утихли, когда Меттерних, сопротивляясь до последнего, подписал прошение об отставке и скрылся в ночи, чтобы найти убежище в Англии, когда от Хофбурга получили всевозможные обещания, бедного императора Фердинанда уговорили выехать в открытой карете в надежде, что его доверчиво выставленная напоказ персона смягчит настроение восставших. Его с триумфом приветствовали везде, где бы он ни появлялся. Сияя сквозь слезы, он кланялся толпе направо и налево, не переставая горячо восклицать: «Дорогие мои, мои дорогие люди! У вас будет все, абсолютно все!» Но его приветствовали не как преемника Марии Терезии, великой основательницы империи, повелительницы сообщества немцев, итальянцев, славян и мадьяр, а как правителя немецкой Австрии, под эгидой которого германские народы севера, восставшие против своих потомственных хозяев, должны были объединиться под властью Габсбургов, чтобы господствовать в сердце Европы. В этой венской толпе было мало наднационального настроения. Оно совершенно отсутствовало и в Милане, и в Будапеште.

2

Именно венгры одержали победу, так же как им предстояло побеждать практически во всех отношениях в течение последующих семидесяти лет. У них была своя историческая конституция, и благодаря своим традиционным комитетам они сохраняли местное самоуправление в собственных руках, несмотря на стремление Иосифа к централизации. Мария Терезия объединила Богемию и Моравию с Силезией и австрийскими землями в так называемое уни-

тарное государство, но Венгрия осталась за его пределами. Глава дома Габсбургов был их королем; если другие народы хотели признать его своим королем или императором, они ничего не имели против, но их это на самом деле не касалось. Таково было настроение. Движимые той неистовой гордостью, присущей людям, которым нечего терять, кроме гордости, они неустанно обращались к прошлому, к великим дням короны святого Стефана, так что даже их радикализм уводил их из настоящего в прошлое: их отказ признать само существование настоящего сделал для них невозможным двигаться вперед, поскольку движение вперед означало принятие настоящего за отправную точку. Их страстное стремление к независимости можно назвать благородным в донкихотском смысле, если бы они проявили хоть малейшее уважение или хотя бы интерес к существованию подобных устремлений в сердцах других народов. Но они достигли той стадии, когда могли думать только о себе. Они без умолку говорили о справедливости, но имели в виду справедливость исключительно для мадьяр. Империя должна быть парализована, потому что она несправедлива к мадьярам, и все громкие лозунги, оставшиеся от Французской революции, да и многое другое, были направлены на достижение этой цели, вызывая отклик в сердцах либералов во всем мире. Те меньшинства, которые оказались под властью мадьяр, должны считать за честь быть принятыми в качестве венгров. Таким образом, хорваты Загреба, сербы Воеводины, саксонцы и валахи Трансильвании, словаки северных холмов должны были подчиниться Будапешту и использовать мадьярский язык во всех официальных случаях вместо латыни, которая служила общепринятым государственным языком до 1846 года. Одной из главных целей замены латыни на мадьярский являлось стремление воспрепятствовать отправке немецких чиновников в Венгрию: мадьярский язык был очень трудным для изучения.

Как и в Вене и в Праге несколькими днями позже, студенты первыми вышли на демонстрацию. Но еще до того, как они проявили свое невинное стремление к радикальному конституционализму, инициатива была вырвана у них человеком, который знал, как воззвать к гордости и заносчивости, романтизму и мракобесию мадьярского национализма, веками сохранявшегося под турецким гнетом самого отсталого помещичьего сословия в Европе, – Лайошем Кошутом. Своей репутацией байронического героя Кошут был обязан собственной неудаче. Если бы ему удалось достичь своих целей, мир увидел бы, что перед ним не мадьяр Гарибальди, а беспринципный демагог нового зловещего толка. Кошут был не просто бедствием для Венгрии XIX века, он был предзнаменованием. В какой-то сверхъестественной степени он был предшественником Гитлера и Муссолини и всего тиранического сброда того времени, кто разжигал массовую истерию для достижения личных целей, кто использовал призыв к воинствующему национализму как путь к власти.

Гитлер хотел быть немцем, Муссолини – римлянином, Кошут – мадьяром. Он вовсе не был мадьяром, он был славянином, одним из выходцев из словаков, которых с готовностью воспринимали как венгров при условии, что они откажутся от своего национального самосознания. Он был мелким безземельным дворянином, а его мать не говорила по-венгерски. Но на какое-то время он стал величайшим мадьяром благодаря простому процессу (простому для него, с его несравненным даром оратора) обращения через головы самых выдающихся и наиболее прогрессивных элементов Венгрии к огромному классу мелкой знати, погрязшей в средневековом убожестве, – 600 000 из них, которых он удостоил звания джентри (шляхты). Этот класс в основном состоял из мелкопоместного дворянства, которое размножилось по всей Венгрии из-за отсутствия закона о праве первородства, так что все дети и дети детей любого благородного рода наследовали семейные почести, даже если они держали гусей и свиней на своих навозных кучах в деревне. Эти семьи в физическом смысле составляли костяк мадьярства, но настоящая надежда мадьярства возлагалась на городской средний класс и на некоторых крупных магнатов, сочетавших либеральные идеи с любовью к своей стране и годами сотрудничавших с Меттернихом в интересах своей страны. Кошут решил обойти магнатов и разорвать их

негласный союз с городской интеллигенцией – то ли потому, что был искренне убежден в их неэффективности (а Меттерних действительно подрезал им крылья), то ли потому, что был полон решимости господствовать в Венгрии и знал, что у него никогда не будет надежды на господство над Сечени и Деаками, если он будет сотрудничать с ними. Как бы то ни было, взывая к атавистическим инстинктам аристократического помещичьего класса, безудержно льстя им и эксплуатируя их эгоистический пыл, он сумел расшевелить их. О том, какое огромное воздействие он оказал на них, можно судить по выдержке из речи одного из его сторонников, когда Кошут баллотировался в братиславский парламент: «Я могу вспомнить только четыре эпохальных дня с момента сотворения мира: первый был днем, когда Свет озарил Хаос; вторым был день рождения Христа; третьим был день Французской революции, принесшей Свободу; а четвертый день – это тот самый день, когда должно решиться, будет ли Кошут избран депутатом или нет!»

Он был избран. С тех пор он хладнокровно властвовал в парламенте. И пока студенты Будапешта выступали с демонстрациями, Кошут провел мартовские законы, которые после утверждения их императором 11 апреля превратили Венгрию в фактически независимое государство, признающее только личную унию через корону. Новое мадьярское государство должно было включать в себя все земли короны святого Стефана, а парламенты и правители Хорватии и Трансильвании упразднялись. Магнаты были уничтожены, а вместе с ними и все надежды на рациональное развитие Венгрии как неотъемлемой части империи.

В Богемии не было Кошута. Там были магнаты, но им не хватало националистического духа крупных венгерских магнатов: Сечени, хотя и вел личный дневник на немецком языке, общепринятом языке двора и высшей имперской аристократии, но тем не менее был пылким мадьяром. Крупные чешские магнаты придерживались исключительно имперских взглядов и часто были немцами по происхождению. Неверно было бы утверждать, что все они были немецкими католиками, поселившимися в поместьях чехов-протестантов после битвы на Белой Горе. Многие из них прибыли из Франции и Италии и других европейских стран, а также из Англии и Ирландии. Некоторые принадлежали к очень древним родам. Самые знаменитые, например Шварценберги, приехавшие в Богемию из Франконии до прихода Габсбургов в Вену, могли похвастаться тем, что «каждый квадратный дюйм имени Шварценбергов был унаследован, куплен, обменян или иным образом законно приобретен, ни один участок не был получен из ранее конфискованного имущества». Но в целом они считали себя слугами императора, космополитичными, а не наднациональными. Не было и помещичьего сословия. Были крупные землевладельцы, фактически суверенные, их крестьяне и городская интеллигенция. Почти повсеместно крестьяне тоже говорили по-немецки (половина крестьян Богемии и Моравии фактически были немцами). Даже первый великий националист Палацкий, отец чешской нации, не только писал историю на немецком языке, но и говорил по-немецки со своими друзьями в Праге, пытаясь разработать конституцию федеративной империи, в которой Богемия стала бы второй Венгрией. Даже Масарику пришлось научиться грамотно писать по-чешски, когда он стал профессором философии в недавно основанном Чешском университете в Праге. Таким образом, в Богемии не существовало сплоченного национального единства, и чешские националисты, пытавшиеся подражать мадьярам, не имели силы, с помощью которой можно было бы противостоять династии или домогаться от нее привилегий. Справедливости ради стоит сказать, что им также недоставало фанатичной убежденности мадьяр в собственном врожденном превосходстве над всем миром, хотя на самом деле Богемия была гораздо более развитой страной, чем Венгрия, во всех отношениях. Когда дело дошло до выяснения отношений с монархией, это поставило их в невыгодное положение, Палацкий стал первым в длинной череде скромных и идеалистичных чешских националистов, на какое-то время закончившейся младшим Масариком, пытавшимся убедить ту или иную великую державу предоставить чехам власть и помочь им сохранить положение, которое они не могли занять сами.

Пражская революция началась не с заседания богемского сейма. Некоторые радикальные интеллектуалы, в том числе немцы, встретились в Вацлавских банях, в концертном зале-кафе, и составили программу, во многом схожую с требованиями Фишхофа в Вене; но к обычным свободам в последний момент добавились некоторые более конкретные политические требования: прежде всего, и это имело огромные последствия для будущего, общая центральная канцелярия и парламент, которые должны были заседать поочередно в Праге, столице Чехии, и Брно, столице Моравии, для управления делами «земель короны святого Вацлава», то есть Силезии, Богемии и Моравии. Так зародился чехословацкий национализм, хотя никто этого не осознавал – и в любом случае не столько из-за противостояния Вене, сколько из-за страха перед Будапештом и мадьярскими планами в отношении словаков. На венгерскую корону святого Стефана Богемия ответила своей собственной короной святого Вацлава. На таком шатком антиквариате основывались противоречивые заявления, которые должны были потрясти Европу. На протяжении веков Центральная и Восточная Европа постоянно подвергались глубоким изменениям, когда то одно, то другое племя приходило из степей и сметало все на своем пути. В X веке святой Вацлав, который никогда не был королем (он был герцогом), стал легендарной фигурой; чуть позже, в том же веке, мадьяр святой Стефан превратил Венгрию в христианское государство по европейскому образцу. Но вызывать эти тени из прошлого было опасной игрой: существовали и другие народы, также имевшие долгую историю, и наиболее значимыми из них были хорваты, к которым теперь, в XIX веке, сами мадьяры относились как к низшим существам. Король Хорватии Томислав, умерший в 929 году, властвовал раньше мадьяра Стефана на сто лет и когда-то командовал боевыми силами, состоящим из 100 000 пехотинцев, 60 000 всадников, 80 больших и 100 малых военных кораблей – впечатляющим войском для Центральной Европы XI века. Хорватия, таким образом, являлась старейшим королевством из всех земель Габсбургской короны – факт, имеющий не большее, но и не меньшее отношение к реалиям Европы XIX века, чем средневековые притязания Богемии и Венгрии.

Ни мадьяры, ни богемцы особо не хвастались своей культурой или своей экономической жизнью, предпочитая доблесть своих легендарных королей-воинов. И дело в том, что у них не хватало собственной культуры, которой можно было бы похвастаться, поскольку средний класс и крупные города – Будапешт и Братислава, так же как Прага и Брюнн (Брно) – были преимущественно немецкими.

Ситуация в Галиции, австрийской части Польши, сложилась иной. Здесь поляки выложили свой последний козырь двумя годами ранее, в 1846 году, когда австрийским властям пришла в голову оригинальная идея настроить угнетенное крестьянство – в основном русинов и украинцев, лишенных статуса поляков, – против своих гордых и воинственных хозяев. В 1848 году вспыхнули кратковременные восстания в Кракове и Львове (Лемберге), которые были быстро и жестоко подавлены лояльными империи австрийскими войсками. Польша в любом случае была на особом положении. Обладая собственной историей и культурой, гораздо более богатыми, чем любая другая славянская часть владений Габсбургов, Галиция была политически связана с остальной частью старой Польши. Никакой автономной революции в Галиции быть не могло. Занятая Россией Польша также была бы втянута в это; а Польша находилась не в том состоянии и настроении, чтобы восстать против царя. Она еще не оправилась от ран, полученных во время гибельных восстаний 1830 и 1846 годов. Большинство лидеров восстаний расстались с жизнью или находились в русских тюрьмах. Некоторые нашли убежище в Венгрии, где им предстояло сражаться на стороне Кошута. Должно было пройти еще двенадцать лет, прежде чем поляки в русской Польше почувствовали бы себя достаточно сильными, чтобы начать крупное восстание; а тем временем в Галиции царили тишина и покой. По сравнению с неприкрытой напористостью русских и закоренелым высокомерием прусских юнкеров австрийские колонизаторы проявили мягкость, ставя своей задачей удержание Галиции.

На самом деле они в значительной степени полагались на крупных польских магнатов, развращенных привилегиями, раздаваемыми венским двором с целью, чтобы они делали за них их работу. И лишь позже условия в Галиции, по сравнению с условиями в других частях империи, стали предметом серьезного скандала и способствовали разжиганию польского национализма. И даже тогда большая часть вины могла быть возложена на самих польских аристократов, которые в обмен на помощь в управлении империей позволили своей собственной стране продолжать существовать как своего рода примитивный аграрный придаток, поддерживающий промышленный рост Богемии и австрийских земель.

Что касается Италии, тут ситуация сложилась совершенно по-другому. Господство Вены над Богемией, Моравией и землями Дунайского бассейна имело глубокие корни в исторической неизбежности. Аннексия ею части Польши, которой сопротивлялась Мария Терезия, являлась неизбежной из-за политики раздела, проводимой Россией и Пруссией, и в любом случае Галиция была неотъемлемой частью сложного политического комплекса, образующего бастион против Востока. Но единственной частью итальянского полуострова, имевшей какую-либо органическую или этнографическую связь с империей, был горный Трентино. Эта область, образующая южные подступы к Альпам, служила естественным плацдармом империи, а в своей северной части являлась полностью немецкой. Больцано, столица Южного Тироля, был немецким городом. Вопрос об отделении Вены от Трентино никогда не стоял. Проблема возникла из-за продолжающейся австрийской оккупации Венеции и Ломбардской равнины, положением австрийских правителей в Тоскане и Парме-Модене, а также отношениями Вены с Римом.

С постепенным развитием Триеста как главного порта империи экономическое значение Венеции уменьшилось. Ломбардия, с другой стороны, имея Милан в качестве блестящей столицы, была богатейшей провинцией Австрии, к тому же провинцией с высочайшим уровнем культуры. Более того, ее стратегическое значение было крайне важным. Только Уинстон Черчилль мог изобрести фразу «Мягкое подбрюшье Европы» как идеальное описание стратегического положения Италии, но идея, выраженная в этой фразе, не являлась новой. Сами австрийцы называли Италию ахиллесовой пятой Центральной Европы, а уже в 1830-х годах величественный старый ветеран фельдмаршал Радецкий был глубоко обеспокоен этой ахиллесовой пятой – как главнокомандующий австрийскими войсками в Северной Италии и губернатор Ломбардии, он был одержим осознанием уязвимости своего положения. На самом деле Ломбардия как таковая оставалась незащищенной, но внутри ее подступы к Вене и Триесту контролировались крупной стратегической базой, знаменитым Четырехугольником, который был действительно неприступен: это была территория, ограниченная четырьмя укрепленными городами – Пескьерой на юго-восточной оконечности озера Гарда, Мантуей с ее затопленными территориями, Леньяно и Вероной.

Позиция Австрии, позиция Радецкого, еще больше осложнилось деятельностью нового папы – Пия IX. Этот выдающийся человек правил тридцать два года, с 1846 по 1878-й. К концу своей карьеры ему довелось пережить в 1870 году присоединение Папской области к Итальянскому королевству, и в том же году он провозгласил догмат о папской непогрешимости¹³. Он начал свое владычество с того, что повел себя как либеральный правитель, настаивая на светских полномочиях и поощряя либеральные и националистические настроения во славу Италии и самого себя: его первым актом было объявление всеобщей амнистии для всех политических заключенных. В Италии, где бушевал пожар, когда «король-бомба»¹⁴ в Неаполе

¹³ Непогрешимость папы римского (*лат.* *Infallibilitas* – «неспособность заблуждаться») – догмат Римско-католической церкви, утверждающий, что, когда папа римский определяет учение церкви, касающееся веры или нравственности, провозглашая его *ex cathedra* (то есть по учению РКЦ, как глава церкви), он обладает непогрешимостью и огражден от самой возможности заблуждаться.

¹⁴ В Неаполе Фердинанд II получил прозвище «король-бомба» за жесткую расправу с повстанцами, в частности за бом-

уже был вынужден принять конституцию в январе 1848 года, когда кадеты Габсбургов в Парме и Модене сильно пострадали от сил либерального национализма, Карл Альберт Савойский, король Сардинии, находился в Турине и с нетерпением ждал возможности прийти на помощь лангобардам, а папа римский был настроен против Австрии, положение Радецкого было не из завидных, к тому же его армия испытывала нехватку людей и снаряжения.

Так что, как только весть о революции в Вене достигла Милана, итальянцы подняли мятеж. Произошло это 15 марта, а на следующий день, когда пьемонтцы поспешили на помощь лангобардам, австрийцы были выбиты из Милана и отброшены обратно в Четырехугольник.

Глава 3

Контратака

1

Что могла сделать Австрия, чтобы спастись? Что собой на самом деле представляла Австрия? Французы были единой нацией: их февральская революция привела к созданию новой республики, первым президентом которой стал ушлый авантюрист, племянник великого Наполеона, вскоре провозгласивший себя императором. Русские были нацией, находящейся в подчинении у всемогущего самодержца, и события 1848 года, хотя и вызвали глубокую тревогу у Николая I и воспринимались как предзнаменование и предупреждение, практически не оказали непосредственного влияния на его государство. Германские короли и князья так или иначе пережили бурю, но даже Фридрих Вильгельм IV Прусский был вынужден согласиться на конституцию. Даже в Англии царила тревога и угроза восстания, но робко настроенные жители обрели новую жизнь после краха чудовищной хартистской демонстрации Фергюса О'Коннора и фиаско великой петиции¹⁵, так что 11 апреля 1848 года Палмерстон смог написать из министерства иностранных дел: «Вчера выдался славный денек, Ватерлоо мира и порядка. Говорят, там было более ста тысяч дополнительных констеблей. Некоторые называли цифру в двести пятьдесят тысяч, но улицы были наводнены ими, и люди всех сословий и званий объединились для защиты закона и собственности... Иностранцы так и не появились, но констебли, регулярные и дополнительные, поклялись задать трепку любому усатому и бородатому бунтовщику, с которым они столкнутся, и я убежден, что они превратили бы его в желе».

Таков был царивший повсюду, но не в Австрии, дух. Десять дней спустя Палмерстон сочинял для Понсонби в Вене свою жалобную песнь о грехах Меттерниха и слабости Фердинанда: «По всему континенту идет всеобщая борьба между правителями и теми, кем управляют, между законом и беспорядком, между теми, кто имеет, и теми, кто хочет иметь, между честными людьми и негодяями; и поскольку буйные, бедные и негодяи в этом мире, хотя, возможно, и не самые многочисленные, во всяком случае, являются самыми активными, то для защиты других классов необходимо, чтобы ими руководили и направляли разум, активность и энергия. Но как эти качества могут быть найдены в правительстве, где суверен – слабоумный?»

Именно в этом письме Палмерстон рекомендовал отречение императора Фердинанда, отказ от престола брата императора Карла и восшествие на престол сына Карла Франца Иосифа, которому тогда было семнадцать. По сути, именно это решение активно рассматривалось уже некоторое время, но проблема в том, что Франц не достиг совершеннолетия.

До конца того года, в течение девяти месяцев хаоса и суматохи, на протяжении которых двор дважды изгонялся из Вены, династия, какой бы она ни была, держалась вместе и поддерживалась женщиной, матерью Франца Иосифа, эрцгерцогиней Софией Баварской, вышедшей замуж в девятнадцать лет за второго сына императора Франца Карла. Дочь короля Баварии Максимилиана I и его второй жены Каролины Баденской, Софи была одной из шести сестер, каждая из которых была замужем за немецкими королями или князьями, каждая обладала сильной волей, авторитарным характером и пылкой верой в католицизм, – известный прусский историк Трейчке назвал их «баварскими сестрами скорби». Поскольку наследный принц Фердинанд с детства был слабоумным, Софи с самого начала знала, что однажды она либо сама

¹⁵ О'Коннор Фергюс (1794–1855) – один из лидеров чартизма. Блестящий оратор и публицист. В апреле 1848 г. во время подготовки выступления чартистов обнаружил нерешительность, призвав по существу к отказу от революционной борьбы. После 1848 г. сторонники О'Коннора играли роль реформистской секты в чартистском движении.

станет императрицей, либо матерью юного императора. Это была компенсация за то, что она вышла замуж за нелюбимого мужчину, чей характер и интеллект оказались намного слабее ее собственных. С того дня, как родился Франц, она посвятила себя тому, чтобы воспитать его как настоящего правителя. Она свято верила, что ее сын рано или поздно станет императором без каких-либо усилий с ее стороны, если только не умрет молодым. Усилия пришлось приложить позже, когда империя лежала в руинах и ждала своего восстановления. С 1827 года, когда она вышла замуж, и до 1848 года, когда, безжалостно бросив Меттерниха, она стала вдохновительницей контрреволюции, она могла позволить себе жить без суеты и напряжения. Когда Софи прибыла в Вену из Мюнхена, чтобы занять место при одном из величайших дворов Европы, то была милой, послушной, веселой, сердечной, полной романтизма того времени, немного жеманной, но и решительной. Она любила поэзию и музыку, обожала театр, который посещала каждый вечер, часто будучи растроганной до слез. Джудитта Паста, а позже и Дженни Линд прославляли ее до небес. Она прилагала бесконечные усилия, стараясь развить талант юного Франца Иосифа к рисованию; ее восхищала чувственная, мечтательная натура ее второго сына Максимилиана, которому суждено было умереть под пулями расстрельной команды в Мексике. Она нашла выход для своей романтической натуры в нежной дружбе с молодым герцогом Рейхштадтским, сыном и наследником Бонапарта Эглоном и племянником ее мужа. Когда Наполеоновская империя рухнула, его мать, невестка Софи, Мария Луиза, привезла сына в Шёнбрунн, где он провел свою юность, предаваясь несбыточным мечтам в огромном парадном дворце Марии Терезии – подобии Версаля времен Габсбургов с его впечатляющим светлым фасадом, 1400 комнатами, огромным парком и ухоженными садами, раскинувшимися у подножия лесистых холмов сразу за городом. Император Франц, очень его любивший, содержался там в качестве залога – пешки в роли бонапартистского претендента, которую в случае необходимости можно было бы разыграть против Франции. Он вырос необыкновенно красивым юношей, но рано умер от чахотки. Он был на пять лет моложе Софи, которая помогала ему переносить одиночество: они вместе ходили в театр, гуляли в парке, Софи читала ему стихи, пока его болезнь не стала настолько тяжелой, что он не мог больше слушать. Его смерть произвела на Софи тяжелое впечатление. Говорят, что после этого она превратилась в холодную и честолюбивую женщину.

В большинстве случаев Софи проявляла скорее энергию, чем страстность. Но когда дело касалось религии и заботы о детях, ее страстность не знала границ. Она привнесла в венский двор новый элемент глубокого благочестия, который совершенно не соответствовал господствующим взглядам. Она терпеливо сносила насмешки эрцгерцогов и пренебрежение княгини Мелании Меттерних, упорствуя в своей преданности церкви вплоть до того, что выполняла указы духовного лица, аббата Раушера, который позже, став кардиналом-архиепископом Вены, обрел огромную власть благодаря своим выдающимся способностям. В остальном Софию интересовали только спокойствие и благополучие ее старшего сына. Все, что она делала, было направлено на то, чтобы дать возможность Францу править. Только когда династия оказалась на грани гибели, она заинтересовалась ею как таковой. Тогда она принялась спасать ее, потому что больше никому было спасти династию.

Но она спасала ее для Франца. Именно это побудило ее плести интриги против своего доверенного наставника, Меттерниха, чья политика завела правительство в тупик и привела бесценное наследие ее старшего сына к ужасающим, с трудом осознаваемым опасностям. Она ни в коей мере не была либералом, но глаза у нее были на месте. Долгое время ее отец, баварский король, умело управлял своей страной, придерживаясь своеобразной конституции, которая, казалось, делала всех счастливыми и позволяла полезным людям играть определенную роль в правительстве. Раз уж старики ушли, почему бы австрийскому двору не сыграть в ту же игру? Кем-то нужно было пожертвовать, чтобы не допустить бунтовщиков в Хофбург, и это явно должен был быть тот, чьей головы они требовали.

Следует повнимательней приглядеться к Софи. Ее влияние в последующие годы стало настолько велико и в некоторых отношениях настолько пагубно, что без представления о том, как события превратили ее в «делателя королей», общая картина будет неверной. В течение многих лет она оставалась политически неграмотной. Услышав новость о революции в Ломбардии, она записала в дневнике: «В какое печальное время мы живем! Везде разум воспламенен страстью, особенно в бедной, прекрасной Италии, которая могла бы быть такой счастливой, если бы только люди были благоразумны!» Она полагала, что жители Вены с благодарностью ответят на небольшие уступки, а когда они этого не сделали, когда страсти разгорелись еще сильнее и вынудили императорскую семью покинуть Вену, она внезапно утратила иллюзии и разозлилась на них за их неблагодарность. Ее помнят как образцовую женщину-хозяйку, самку-дракона, которая подталкивала своего упрямого сына ко все более жестоким выходкам, издевалась над своей очаровательной невесткой, преднамеренно стараясь сделать ее жизнь невыносимой, и все это из-за личных амбиций. Так, одна из самых проницательных писательниц Ребекка Уэст сравнивала ее с одной из тех суровых, властных женщин, в которых нет ни капли человеческих чувств и которых так часто выбирают чисто мужские комитеты на должность больничной смотрительницы. Она была совсем не такой. Она была скорее сентиментальной, часто надоедливой и глуповатой и в определенной степени упрямой. Франц Иосиф, знавший все о ее недостатках, обожал ее. Его характер тоже остался непонятым.

2

С марта по декабрь 1848 года, во время изгнания и после, Софи занималась тем, что старалась сохранить весь двор, пока не пришло время для нанесения контрудара; затем она уговорила Фердинанда отречься от престола и возвести на его место своего сына. Между тем юного Франца необходимо было отстранить от борьбы, чтобы новый молодой император не был связан с выбитыми из Фердинанда обещаниями и каким-либо образом не участвовал в маневрах военной хунты, намеревавшейся сломить революцию. Благодаря головокружительной смене последовательности бестолковых министров, двор, соглашаясь на уступку за уступкой, обещая конституцию и учредительные собрания, сумел выжить. В мае он бежал в Инсбрук, оставив вялое либеральное правительство самостоятельно справляться с хаосом. Венгрия отделилась, Венеция провозгласила себя республикой, Ломбардия пылала в огне, Богемия обзавелась временным правительством. Но события переместились далеко от центра. История обошла венских либералов. Двор в Инсбруке предал их, вступая в прямые отношения с чехами, переманив на свою сторону умеренных богемцев, пообещав им собственный парламент в Праге. Остальное сделали военные, «три паладина»: фельдмаршал Виндишгрец, губернатор Богемии, фельдмаршал Радецкий, губернатор Ломбардии и Венеции, и бан (губернатор) Елачич – жестокий, неугомонный, с густыми усами лидер хорватов.

Уже тогда, опираясь на сильную руку Виндишгреца, династия начала использовать в своих целях те национальные противоречия и соперничество, которые семьдесят лет спустя должны были привести ее к гибели. Пока Вена пребывала в состоянии полного смятения, пока правительство намеревалось отказаться от Италии, пока раздавались настойчивые голоса, требовавшие отказа от Венгрии и союза с немецкими государствами под черно-красно-желтым флагом (с включением Богемии и Моравии в единую Германию с парламентом во Франкфурте), двор и генералы не сидели сложа руки. Первой победой стала Прага. Чешский лидер партии Палацкий уже отказался присутствовать на франкфуртском предпарламенте – комитете из пятидесяти человек, созданном немецкими националистическими радикалами из всех немецких земель для подготовки созыва Немецкого национального собрания. «Я богемец славянского происхождения», – заявил он. По этой причине он не мог принимать участия в делах национальной Германии. В то же время он решительно выступал против того, чтобы восприни-

мать Россию как естественного защитника славян. Это означало, что отец чешского национализма, по сути, отдавал себя на милость династии Габсбургов и просил семью, считавшую национализм смертным грехом, стать отцом его зарождавшейся нации. Двор в Инсбруке отнесся к его притязаниям так, как и следовало ожидать. Их использовали, а затем отвергли. Нетерпеливость пражских радикалов облегчила отказ. В начале июня состоялся большой Славянский съезд, который был призван подчеркнуть равенство славян империи с немцами и мадьярами. Пока он заседал, начались беспорядки, и это дало Виндишгрецу шанс. После небольших уличных боев он отвел свои войска на холмы и начал интенсивный артиллерийский обстрел. Беспорядки прекратились. Чешские умеренные приветствовали это решение. Теперь не осталось ничего, что могло бы смягчить ситуацию, и большие надежды возлагались на обещанное Учредительное собрание. Но в результате хозяином стал князь Виндишгрец, а он был не из тех, кто одобрял учредительные собрания. Более того, во время беспорядков его собственная жена была убита шальной пулей.

Династия восстанавливала свои силы. Виндишгрец хотел, чтобы двор оставался в Инсбруке, пока он разбирается с Веной. Но для имперской семьи настало время объединить все те силы, которые могли бы выиграть от установления закона и порядка. Более того, новое министерство, возглавляемое ветераном Вессенбергом, включало в себя министра юстиции, действительно очень сильного человека – Александра Баха, который покинул баррикады, потому что считал, что пришло время встать на сторону закона и порядка. В июле перспективы династии стали еще более радужными. Радецкий, великий фельдмаршал, который так долго и тщетно ждал подкрепления из Галиции и Моравии, напал на пьемонтцев и нанес им сокрушительное поражение при Кустоцце. Теперь за его спиной стояли даже революционные венцы – многие из них покинули баррикады, воздвигнутые ими против имперского правительства, чтобы сражаться на стороне величайшего солдата имперского правительства против дерзких итальянцев.

Но оставалась еще Венгрия. И именно из-за Венгрии в Вене снова вспыхнула революция с совершенно новым размахом насилия. Немцы, мадьяры и славяне разных национальностей объединились в противостоянии системе Меттерниха; но как только Меттерних бежал, они принялись рвать друг друга на части. Некоторые немцы хотели объединиться со всеми остальными немцами, отказавшись от династии, чтобы сформировать осознающий свое превосходство блок; другие надеялись взять лучшее из обоих миров – присоединить всю Германию к Австрии, в которую также входили бы славянские и мадьярские земли. Магнаты и городская интеллигенция из мадьяр жаждали максимальной независимости Венгрии, совместимой с союзом с Веной; кто-то настаивал на полной независимости, за исключением личных обязательств перед короной, которые, по их мнению, они могли бы сохранить, отказавшись от своей доли национального долга; и все они единодушно требовали абсолютной юрисдикции над славянами на своей территории (словаками, сербами и хорватами), а также румынами Трансильвании. Отдельные чехи и словаки желали независимости под властью монарха из династии Габсбургов, иные стремились к равенству с другими народами в рамках федерации; кое-кто был готов к тому, что империя распадется на ряд невероятно маленьких регионов по этническому признаку; были и такие, кто видел в Праге столицу земель святого Вацлава: все они сопротивлялись притязаниям мадьяр на юрисдикцию над славянами в землях святого Стефана. Некоторые из южных славян (сербы, хорваты и словенцы) мечтали об Иллирийском королевстве в составе империи; какие-то были готовы служить Вене, лишь бы не попасть под власть Будапешта. И только монархия стояла выше всего этого и могла, таким образом, стравливать один народ на другой. В сентябре было решено приступить к борьбе с венграми, задействовав последнего из трех палатинов, Йосипа Елачича, или бана, Хорватии, которому было приказано выступить против восставших венгров.

Он справился с этим, став во главе дикой и свирепой орды, которая развязала самую отчаянную гражданскую войну. Венгры, теперь временно объединившиеся под управлением Кошута (умеренные, такие как Деак, давно отошли в сторону), восприняли нападение южных славян как предлог для войны на истребление против славянских меньшинств на своих землях. Славяне ответили тем же. Венские радикалы, вышедшие из-под контроля с тех пор, как умеренные отказались от них, были воодушевлены этой демонстрацией имперского насилия против венгерских радикалов. Они восстали. Они попытались остановить австрийский полк венского гарнизона, двигавшегося на помощь Елачичу. Взяв штурмом военное министерство, толпа мятежных радикалов устроила линчевание министра Латура, повесив его на фонарном столбе, и едва не линчевала Баха. Одним из тех, кто тщетно пытался спасти Латура, был член Национальной гвардии молодой врач, идеалист Адольф Фишхоф, чья речь зажгла революцию за семь месяцев до этого. Двор снова бежал, на этот раз в Ольмюц, где находилась величественная крепость, которая восемнадцать лет спустя сыграла столь мрачную роль в поражении Австрии, нанесенного ей Пруссией. Это произошло 14 октября. В первых числах ноября Виндишгрец пошел на Вену. После ожесточенных боев и интенсивных обстрелов он захватил город и ввел военное положение.

Империя, за исключением Венгрии, теперь находилась в его руках. Он не хотел быть премьер-министром, он собирался захватить Будапешт. Человеком, которого он выбрал для этой должности, был его молодой шури Шварценберг. Но тот не вступил бы в должность, если бы престол не перешел к новому императору. Франц Иосиф в свои восемнадцать лет, ничем не запятанный и ни к чему не причастный, был готов занять трон. Свое боевое крещение он получил, находясь рядом с Радецким в Ломбардии, но не принимал участия в отчаянных политических интригах последних восьми месяцев. 2 декабря 1848 года было объявлено о его восшествии на трон. Церемония состоялась во дворце архиепископа, где разместились резиденция двора. Царящая атмосфера была чрезвычайно напряженной. Никто, даже оба брата Франца не знали, зачем им велели облачиться в парадную форму. Софи надела все свои лучшие драгоценности. Виндишгрец, Елачич, Шварценберг, все министры собрались большим полукругом около бедного императора Фердинанда и его преданной Марианны. Фердинанд объявил о своем отречении. Затем Шварценберг дрожащим голосом зачитал заявление Карла об отречении от трона, объяснив, что в такой тяжелый период требуется более молодая сила. Затем они принесли присягу Францу Иосифу, и после этого Фердинанд и Марианна поднялись к себе собирать вещи.

Вот так, в атмосфере смятения и ожесточения, поддерживаемый армейскими штыками, Франц Иосиф начал свое правление, которому суждено было продлиться шестьдесят восемь лет, с 1848 по 1916 год. Он начал с трона, но ему все еще не хватало империи: задачей Шварценберга было завоевать ее для него.

Часть вторая

Правительство меча

Глава 4

Путь определен

1

Вена была кайзерштадтом, имперским городом. И император, правивший шестьдесят восемь лет, в конце правления стал ближе всех к Богу. Под конец века он превратился не столько в фигуру светского отца, сколько в живую жертву, козла отпущения, согбенного под тяжестью личных несчастий и в то же время несущего на своих худых плечах бремя грехов всех своих подданных. Он остался совсем один: его брата Максимилиана расстреляли в Мексике, а его золовка сошла с ума, его сын и наследник покончил с собой, его императрица, которая долгое время жила в разлуке с ним, была заколота кинжалом на набережной Женевы, Франц Фердинанд, его племянник и новый наследник, женился на женщине ниже его по положению, во всем противоречил ему и собрал вокруг себя в Бельведере, великолепном дворце Гильдебрандта на холме, что-то вроде теневого кабинета министров, действовавшего против политики Хофбурга. В роскошных городских домах аристократии жизнь высшего света продолжалась во всем своем блеске, но стареющий император, вместо которого правили профессиональные бюрократы и политики, был отстранен от этой жизни. Целый день он неутомимо трудился над отражением на бумаге всего того, что происходило в его обширных владениях, а ночью почти не спал, ворочаясь на узкой кровати в Хофбурге или в огромном Летнем дворце в стиле рококо в Шёнбрунне, переживая, чтобы весь мир, его великий и прекрасный город и вся империя не развалились на куски, если он хоть на волосок отклонится от ежедневного распорядка. 28 июня 1914 года Франц Фердинанд и его морганатическая жена были убиты в боснийском Сараево. Несколько недель спустя, следуя своему привычному распорядку, император подписал приказ, положивший начало Первой мировой войне. Два года спустя он умер, и вскоре после этого империя действительно развалится на куски.

Франц Иосиф не всегда был Атлантом, когда-то он был Юпитером. Все, что требовалось от него, когда в восемнадцать лет его сделали императором, в то время как всю империю охватили восстания, это чтобы он выглядел соответствующим образом и взошел на трон незапятнанным, не связанным обещаниями, которые революционеры вырвали у его доброго дядюшки. Его советники и генералы должны были сделать остальное, как и его мать Софи, которая убедила своего мужа Карла отказаться от короны в пользу сына. Ему не нужно было быть кем-то иным, кроме как номинальным главой и поддержкой своего главного министра. Он был красив, строен, великолепно смотрелся в униформе (которую всегда носил) и был храбр. Этого было бы достаточно. Но в своем собственном сознании он представлял себя чем-то большим: он был правителем, самодержцем, избранным свыше, ответственным только перед Богом, и на него возлагалась священная обязанность восстановить династию и сохранить ее положение в Европе. Он считал это своим личным долгом, который никто не мог выполнить вместо него. В этом он отличался от своих главных советников, на которых ему поначалу пришлось опираться. В этом он также отличался от других, более далеких от него людей, которые желали ему добра. Палмерстон в Англии, который задолго до этого подвел итог ситуации в Австрии, уви-

дел, что должен сделать двор, за восемь месяцев до того, как он это сделал. Со свойственной ему бесчувственностью он написал лорду Понсонби, тогдашнему послу в Вене, письмо, в котором убеждал его в строжайшей секретности обратиться к Вессенбергу, министру иностранных дел, с просьбой о том, чтобы он и его коллеги рассмотрели возможность «ради спасения своей страны принятия каких-либо мер, с помощью которых император Фердинанд мог бы отречься от престола, для чего его физическое здоровье могло бы послужить веской причиной, в то время как какой-нибудь более способный преемник мог бы взойти на трон вместо него». Затем он добавил: «Я боюсь, что следующий за ним брат немногим лучше его, но разве сын этого брата не может быть призван к престолонаследию? И хотя он молод, но все же мог бы сесть на коня и показаться своим войскам и своему народу и мог бы вызвать некоторый энтузиазм как к своей персоне, так и к своему официальному положению, и с помощью опытных министров и талантливых генералов мог бы восстановить надлежащее положение Австрийской империи как внутри страны, так и за ее пределами».

Палмерстон, которому нужна была Австрийская империя для поддержания хрупкого континентального равновесия, ничего не знал о характере Франца Иосифа. Мало кто это знал. Все видели в нем подходящего юношу, готового сесть на коня и показаться народу. Даже Бисмарк, четыре года спустя, встречаясь с молодым императором в Будапеште, не уловил его истинные качества. Бисмарку тогда было тридцать семь, угрюмый, узкоглазый, с комком нервов внутри гигантского тела, он вовсе не походил на суровый старый памятник, окруженный короткоухими гончими, как на знакомых фотографиях. Встретившись с двадцатидвухлетним Францем Иосифом, он написал в Берлин:

«Молодой правитель этой страны произвел на меня очень приятное впечатление: был двадцатилетнего в сочетании с достоинством и дальновидностью и прозорливостью зрелых лет, острый взгляд, особенно когда он оживлен, и подкупающая открытость выражения лица, особенно когда он смеется. Венгры в восторге от его произношения, когда он говорит на их языке, и от изящества его верховой езды».

Таким, на первый, беглый взгляд Бисмарка, выглядел юноша, с которым довольно скоро ему пришлось начать бороться изо всех сил, не прекращая борьбу до тех пор, пока господство Габсбургов в Германии не было сломлено и не уступило гегемонии Пруссии.

Российский император Николай I восхвалял его и считал своим личным протеже. Когда Францу Иосифу было всего девятнадцать, Николай писал царице: «Чем больше я его вижу, чем больше слушаю, тем больше поражаюсь его уму, основательности и правильности его идей. Австрии действительно повезло, что он у нее есть». Но через пять лет Франц Иосиф глубоко разочаровал царя и стал объектом одержимой ненависти его преемника, Александра II.

Дипломаты всех стран и десятки немецких князей прислали в ответ свои восторженные отзывы об этом чудо-юноше, призванном выполнить столь ответственное задание. Невозмутимым был только сам Франц Иосиф. Молодой, совершенно неопытный, окруженный самыми строгими советниками и прекрасно осознающий подстерегающие его опасности, он спокойно отнесся к поставленной задаче, как и к тому, что должен был спокойно, внешне не дрогнув, пережить все триумфы и катастрофы следующих семи десятилетий. Он был человеком, избранным Богом. Он был призван восстановить судьбу богоизбранной династии и править, это было его долгом и его правом. Только один человек в те очень далекие времена сохранил портрет молодого императора, в котором можно разглядеть главные черты будущего самодержца. Это был его первый премьер-министр, князь Феликс Шварценберг, который стал также первым и последним министром, имевшим влияние на Франца Иосифа. Восемнадцать месяцев спустя после восшествия Франца Иосифа на престол Шварценберг написал находящемуся в отставке Меттерниху: «Император видит масштаб и трудность своей задачи, и его воля твердо направлена на ее решение. У него острый ум, а усердие в делах поразительно, особенно для человека его лет. Он трудится упорно, по меньшей мере по десять часов в сутки,

и никто не знает лучше, чем я, сколько министерских предложений он возвращает для доработки. Его осанка полна достоинства, он держит себя со всеми чрезвычайно вежливо, хотя и немного суховато. Люди сентиментальные – а многие в Вене претендуют на это качество – говорят, что ему не хватает сердечности. В нем нет следа того наносного добродушия, присутствующего многим эрцгерцогам, желания угодить, стремления произвести впечатление. С другой стороны, он совершенно доступен, терпелив и расположен быть справедливым ко всем. Он испытывает глубокое неприятие любой лжи и абсолютно благоразумен. Но качество, самое ценное для него в его нынешнем положении, прежде всего в таком как настоящее, – это его мужество. Я никогда не видел, чтобы он проявил слабость, даже в самых трудных ситуациях, опасность которых он полностью осознавал. Физически и морально он бесстрашен, и я убежден, что главная причина, по которой он может взглянуть правде в глаза, какой бы горькой она ни была, заключается в том, что она его не пугает. Время сделает его более самостоятельным: я делаю все, что могу, чтобы помочь этому доброму начинанию, и тогда страна получит в его лице то, что ей нужно прежде всего, – человека».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.